

СЕВЕРНЫЕ ЗАМЕТКИ О ЮЖНЫХ КРАЯХ

За окном — море! Или показалось?.. (вид и обзор с авторской точки зрения)

Казалось бы, о чем мечтать: вышел на кухню и вот оно синее — море из окна видно! Метров триста до него по прямой, не намного больше. На горизонте у моря не какие-то там привычные пятиэтажки красуются, а вилла белоснежная... Не «коттедж», пусть даже и огромный, тут один домик для прислуги полпятиэтажки стоит, а на оградке вечером дюжина ламп загорается и салютом вышпаривают — два раза в год, как приедет хозяин... Вид вообще на все это великолепие не какой-то урбанистической дрянью перекрыт, а прямо под окном пустырь расстилается, заросший дикими травами, к осени — по пояс, как полагается, в мае — в том числе маками!.. Утром он залит непередаваемой природы солнцем, длинная яркая тень будто ползет по нему к морю... И не будто — а на глазах ползет!

На балкон если выйти, посмотреть направо — купола золотятся, тут же пятиминутка колокольного звона, и дальше всю службу преотлично слышно: двери церкви открыты и хор там весьма хороший. Тут же рядом — как будто развалины древние, особенно если на фоне огненно-рыжего заката: красный кирпич, начатки сводов и арок — это новая церковь строится, причем очень внушительных размеров. От балкона рукой подать, каких-то полсотни метров, ей-богу. Если же чуть высунуться и взглянуть в другую сторону — влево то есть, — то увидеть можно виноградную лозу, вьющуюся от земли к балконам, — воистину лепота! Не плющ, подчеркиваю, а уже в конце июня свисают повсеместно шарики зеленые... А если еще чуть в окно высунуться, а лучше выйти к подъезду — тут же слева увидишь знакомую всем гору с «шампиньонами» военных радаров, открыточный вид, можно сказать.

А на другой квартире, предыдущей, у нас дерево с абрикосами под окном красовалось, причем увитое еще и виноградом!..

Алексей Шепелёв — прозаик, поэт, журналист, рок-музыкант, автор нескольких книг стихов и крупной прозы. В том числе книг «Настоящая любовь» (М.: Фонд СЭИП, 2013), «Мир-село и его обитатели» (М.: Эксмо, 2017). Кандидат филологических наук (диссертация о творчестве Достоевского и Набокова). Произведения публиковались в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Нева», «Волга», «Север», «День и ночь», «Православное книжное обозрение», альманахах «Черновик» (Нью-Джерси), «Reflection» (Чикаго), «НГ-Ex Libris», «Независимой газете», «Литературной России», сетевых изданиях «TextOnly», «Топос», «Литтегатура», «Частный корреспондент» и мн. др. Лауреат премии «Нонконформизм» (2013), лауреат журнала «Север» (2009), Международной отметины им. Д. Бурлюка (2003), финалист премии «Дебют» (2002) и премии Андрея Белого (2014). Лонг-листер премии «Национальный бестселлер» (2017), премии им. Исаака Бабеля (2018), шорт-листер международного конкурса малых форм для театра «Красный Нос 2018» (СПб.). Член Союза писателей Москвы.

Все это чудесно, что и говорить, и как долго в угаре мегаполиса об этом мечталось, да даже не мечталось — а как изможденному зноем и не верящему уже фата-морганам оазисов хлебнуть воды трясущейся горстью. Но кругом, как водится, нынешнего пошиба люди, и вода эта их многочисленными горестями отравлена.

Вилла не моя — думаю, это понятно. Смотрю я на ее огни из пятиэтажки, и в комнате и кухне, по ним перемещаясь, гашу из экономии свет. Церковь отличная, этого не отнять, действительно отрада для глаза и для слуха. Та, что строится, — самая приличная на свете стройка: работают русские мужики, и хоть с бетоном все равно и с современным оборудованием, но как-то интеллигентно, тихо. Звон сменился на некий авангардный — не беда. А прочее вокруг уж и не знаю, как начать описывать...

Буквально на глазах исчезло море. В два месяца перекрыли весь горизонт — сначала десятками грузовиков навозили, прокатав колеи по пустырю, здоровенную кучу земли, бульдозерами еще зачем-то нагребли, разрыли котлованы, и тут же появились железобетонные сваи, уродливые серые клетки, в которых день и ночь, как муравьи, орудут и гомозятся гастарбайтеры. Мы уж было и забыли, как они орут! Причем день и ночь — это буквально: над стройкой висит-высится циклопическая стрела крана с прожекторами, и когда она вращается, всю округу почище всех остальных омерзительных строительных звуков режет какой-то метафизический скрежет. Сначала я подумал, что это сигнал бедствия какой-то корабли подадут... Не знаю, как там в вилле, наверное, кроме тех же арбайтеров в домике прислуги, постоянно жгущих у ворот бочки с гудроном, нечасто там гостят, а может, звукоизоляция... А тут, хоть дом и новый (и именно потому, что новый!), такой сверлеж и долбеж зубодробительный доносится со всех сторон, что хоть святых выноси. И не только святых: даже кот не знает, куда деться, а сами мы уж день и ночь в берушах — но толку-то! Не то что через стенку — через этаж, чрез два, в соседнем подъезде, в доме напротив насверливают!.. И врезаются, вгрызаются в этот картон-бетон, металл и железобетон ежедневно, нещадно, с остервенением, месяцами! Целые стены раздробив, в мешках выносят в мусор, другие наоборот — перегородки выстраивают...

За стройкой — новые еще дома торчат, другая стройка. Вообще со всех сторон горбатятся, пронзая гигантской буквой «Г» розоватое южное небо, эти высоченные краны с прожекторами или другие — отвратительно похожие на паучью ножку; день и ночь под ними долбят, варят и сверлят, и весь наш райончик, такой от природы прекрасный, одна сплошная неумолкающая стройплощадка. Загораживая виды на море, на гору, на церковь, на город, то тут, то там высятся несуразные для этих мест, для курортного городка вообще, в несуразнейших местах понатыканные многоэтажные громадины — полная победа победившего капитализма абсолютно надо всем — как будто над самой природой и здравым смыслом. Рядом с виллой коттеджи поскромнее и гостевые дома — буквально на глазах на пустырь лезут, будоража его рвами и разгораживая рабицей. «Проданная даль» — теперь понимаешь, что это значит: как будто окопы, доты, воронки и колючая проволока. И никакого тут художественного преувеличения в духе экзистенциалистского бреда, что, мол, нас, продвинутых, «от всего подташнивает», даже «от ваших моря и солнца», никакого кухонно-недовольного бормотания блогеров про открытый канализационный люк или выбоину на дороге. Как говаривал Паниковский: «Нет, вы поезжайте и спросите!»

«Развитие региона» — действительно прекрасно, и люди ежегодно приезжают, и немало, и селятся в коробки эти ноктюрнические и ремонтируют их напропалую, но стоит им прочувствовать, какой зимой ветрище в этих южных краях нижет, как в восемь вечера гаснут повсюду окна, транспорт перестает ходить, город безлюдует, да и так всё работают толко лэтом и только в самозанятости... Тут же едва ли не на каж-

дом окне и балконе появляются таблички «Продаю», кто-то даже продает, и новые наивные жильцы с новыми силами начинают остервенело обустраивать ту же жилплощадь — и так до бесконечности!

«Может быть, просто вам не повезло?» — да я и сам себе назло задаю все тот же вопрос. Конечно, мы выбирали квартиру из самых дешевых. Но не от хороших же условий мы уже здесь сменили четвертую. Да и то 15 тыс. за однушку в таких кондициях — это может показаться дешевизной разве лишь только самым на все зажмурившимся москвичам.

Предыдущая квартира была в старом доме, и там если и не буравили и перфорировали настоль непрерывно и форсированно, как больше полугода здесь, то утро начиналось в шесть часов от дикого крика безумного мальчика сверху: звонок будильника и «А-а-а!» — даже с хрипотой, как в дурацком мультфильме. Потом топот целого табуна скакунов и перебранка с мамой и папой, такими же эксцентричными и истеричными, как их отпрыск. И так часов до двух дня, а после еще вечером «сет», и еще один на сон грядущий, иногда глубоко за полночь. Даже ходили к ним, но только развели руками: унять ребенка семи лет — кому это нынче по силам! Лишь девочка четырехлетняя, тоже среди этих безумств живущая, проживает свои дни совсем неслышно, сочувствуем ей, бедной...

Да что все это описывать — как будто продолжение романа «Москва-bad», ведь хочется-то о другом... И кто поймет и поверит: нашествие комаров, мошек, черных жуков и крыс — все из мусоропровода. Комаров и мушек — тучи, и неделями. Жуков — единицы, зато ежедневно и круглый год, и величиной они в палец. Крыса — одна, но приличного размера и воспитания настолько, что после кормить ее пришлось...

А главное на обеих квартирах — трансформатор прямо под окном, так что если и перестанут вдруг все вокруг высверливать, все одно от его неизбежного гуда ни днем ни ночью не спастись. Ну, летом, мне возразят, такой же трансформатор практически у каждого: жарыща аномальная, невыносимая духота (40–41 °C в 2017-м! — а тут и 25 уже каюк при штиле), кондиционеров понаврubaют сто-о-олько! Здесь в каждом доме этот агрегат, а у иных их, как телевизоров, и два, а то и три! И круглосуточно! Разболтаны донельзя, капель — апрельская. А то зимой — на обогрев...

«Пиво, рыба, ряки!» — все удовольствия местного гостеприимства, за ваши деньги. А бесплатно — немного иное, уже привычное на сетевых форумах недавно отдохнувших кубанское хамство. К примеру, такая сценка. Вокруг трансформаторов, меж вездесущих мусорных баков и понаставленных машин ютятся плодовые деревья: жердела, алыча, айва, шелковица, черешни, вишни, тот же абрикос... Все созревает на глазах, и даже по-туристски наивно думаешь, как прямо с ветки хоть чем-нибудь бы угоститься... Тут девушка с рюкзачком — шла мимо (видимо, на пляж) и решила до «персика» дотянуться. «Как выскочу, как выпрыгну!..» — из окна соседнего с нашим раздалась поистине достойные inferнальных церберов окрики местных пенсионеров. «Я тебе щас морду расшибу!» — цитирую дословно, опуская только нецензурщину. На девушку пятнадцатилетнюю! И тут же дед полоумный на улице выскочил с палкой! Я тоже, признаться, не выдержав, схватил уже ручку от швабры, которую было мечтал использовать как плодосъемник... Не дождавшись наказания или заступничества, девчушка ретировалась, а дед и баба еще долго выкрикивали проклятия.

И такая «сигнализация» приставлена чуть ли не к каждому деревцу, так что с эдемской непосредственностью лучше не тянуться за каждым красивым плодом.

Конечно, никакое не Южное это полушарие, не кипрская Аяя-Напа, всего лишь Черноморское побережье, не гоголевский Рим даже, чтоб к нему стремиться, — все равно типичная российская провинция, пусть и широко известная и не теряющая курорт-

ной популярности. В эпоху Интернета информация что-где-почем не дюже большая ценность, да и вообще не за тридевять земель, всего-то тыщи полторы км от МКАДа. Но все же одно дело «на недельку до второго» в пансион завалиться или просто га-лопом промчаться по всем типовым аттракционам, столовым и шашлычкам, и если уж совсем не удалось отравиться, то обязательно обгореть до состояния свежесваренного рака. Две недели в фанерной клетушке под positive vibrations кондиционера, ночное «Опа! Анапа», под вино и чачу — это для нашего человека даже как-то вдохновляюще... Немного другое — переехать сюда на ПМЖ и уже прожить безвыездно два года. Ну, и еще кое-какая русско-дауншифтерская специфика...

Конечно, немало здесь приветливых, отзывчивых людей, и природа, как ее ни уродуют, как ни наступают на нее со всех фронтов, богатая и благодатная. К сожалению, в наше время дефицит настоящего, содержательного общения такой же бич, как болезненное пристрастие к автомобилю или перфоратору, поэтому привычные сюжетные истории, на реальной основе, но типичные, написать затруднительно, а вот «натурфилософские» заметки так с первого дня на бумагу и просятся.

Город цветов. Город котов!

«Анапа — город цветов», такой по городу на баннерах поразвешан лозунг. И это правда: цветов тут очень много, они повсюду, и если не круглый год, то целых полгода сменяют друг друга, но сменяют с непривычной стремительностью.

Уже в марте, когда у нас в краях тамбовских совсем черно и голо, открывают цветочный сезон и начинают непрерывный марафон нарциссы: они на каждом клочке земли, под каждым окнами! В некоторых местах и никаких клумб или оградок нет: просто цветы под деревьями, при дорожках и тротуарах — как не понять, откуда вылезшие чуть увеличенные подснежники. А сначала одни листья — очень похожие на группку только что выбившихся из земли перьев дичков чеснока — но это в конце февраля!

Сразу за ними — тюльпаны. Их тоже можно встретить в самых неожиданных местах, я, например, не раз встречал одиночный прекрасный цветок «в полях» посреди обычного разнотравья. Один даже был виден из окна — маленькой алой точкой, как на картинке центр композиции. На пустыре срывали, а в городе любые цветы настолько привычны, что мы никогда не видели, чтобы их тут же, как у нас, «ошاپчили».

Затем постепенно подтягиваются ирисы — неспешно так вытягиваются и распускаются. «Вытягиваются» я пишу не зря, поскольку стебли тут у них непривычно длинные, и до самого лета все растут. А вот цветочки сами на них всегда настолько как-то высушенные, что не поверите — практически совсем не пахнут! На непрерывном солнце, на семи ветрах, в несуразной этой сухости климата — как не похожи они на наши, непомерно сочные, пахучие и листьями, и цветками! Летом они здесь вообще выгорают до полной белизны или слабо-красноватого какого-то оттенка — как будто искусственные бумажные цветочки.

Вот это неожиданный для нас, печальный и прискорбный факт: практически все цветы здесь не имеют ярко выраженного запаха — даже сирень, тоже какая-то странная, здесь не источает пьянящий аромат!

Пахнут только нарциссы — пока еще зимняя сырость, а в сентябре—октябре и даже в ноябре — повсюду на обочинах ярко-желтенькие цветочки, — но не повторное высыпание одуванчиков (которые по сочности и запаху здесь тоже не чемпионы), — а повторное цветение дикой рукколы. Причем ей тоже довольно ощутимо пахнет, и запах весьма сходен с ароматом нарциссов!

Раньше нарциссов — в теплый год иногда уже в середине февраля — зацветает абрикос, а затем повсюду — миндаль, алыча, японская айва, примерно как в средней полосе цвет вишне-яблоневый. Не бросаются в глаза и низкорослые одуванчики, торчащие кое-где вдоль дорог, — за три месяца до наших! Из цветов самых ранних, но уже тех, что в центре города на всех клумбах, — анютины глазки, и необычайно долго они держатся, по сути, весь год, не сгорают в неделю, как высаженные у нас на участках под летним солнцем. Сами яблони и вишни здешние, когда зацветут, — почти незаметны, совсем без обозначения весеннего буйства чувств природы как ежегодного пика и рубежа. Вместо черемухи — акация, и вроде местами сладковатый дух по городу идет — но как несравнимо это с безумством шикарных запахов внезапно обрушившейся нашей весны!

Акаций здесь множество разных видов, самая интересная из них — альбиция, тропическая акация, цветущая розовыми пушистыми венчиками. Цветет она поздно, уже ближе к лету. Когда солнце не совсем еще эти ворсинки выжарит, можно, приняв себя, обонять их нежный сладковатый запах. Мы даже с Аней видели, как на таком деревце кормился... колибри! И не показалось, не перепутали с бражником (хотя они здесь как раз такого же размера), не «что-то промелькнуло»: это было уже вечером, и долго он суетился-обрабатывал, зависая, так что нам уже надоело наблюдать.

На самом деле это, кстати, и не акация, а из семейства бобовые. В апреле цветет повсюду другое примечательное дерево — катальпа, цветки его напоминают нечто среднее между белым ирисом и цветками картофеля. Летом и осенью все катальпы в гроздьях длинных стручков, если их разломить, пахнущих как зеленый горох, но это «дерево со стручками» наоборот к бобовым не имеет никакого отношения. Как ни странно, родственник катальпы — лиана камписис, «с гавайскими цветами», которой увиты многие крыши, бордюры и ограды.

Примечательно, что от жителей города, живущих здесь уже долго, но по инерции и уже в привычке к окружающей красоте, не удалось добиться ни одного из этих названий. «Дерево со стручками», «оранжевая лиана» или еще одно чудо, сосна пицундская — «просто елка». За суетой «в такие мелочи» (а тем более, что растет на лугах, на обочинах, в горах, а не под окнами и не в клумбах!) мало кто вникает: мало того, что в магазинах большинство товаров «опрощено» почти до неузнаваемости, на рынке, на привозе с надписью «смородина» продается гибрид йошта, с надписью «слива» — чернослив, а то и редьку в супермаркете продают за репу и т. д. Это, конечно, не махинации, как с рыбой, когда не разбирающемуся покупателю более дешевый вид подсовывают или «все заедно» под видом осьминога расфасовывают щупальца кальмара, но все же обидно как-то — за сами культуры, за нашу культуру знать и различать дарованные человеку богатства биосферы.

Кстати, смотришь обычно на сосну: ну, шишки и шишки... А тут, наблюдая это уникальное (древнее!) дерево каждый день, открываешь для себя столько метаморфоз этих шишек и соцветий!..

Если кому-то не до шишек и прочих елок-иголок, то самое популярное растение Анапы — розы. Здесь они повсюду, их настолько много, разных цветов, калибров и видов, и настолько высоченные, плетистые и пышные, что у приезжего «европейского» человека дух захватывает! В Москве или в других холодных городах, понятно, насаждают розы — где-нибудь в центре, они как бы жмутся в тесных, неудобных клумбах посреди асфальта и бетона... А тут — из-за каждой ограды торчат россыпи — ростом выше человека! — ярко-красные, белые, розовые, желтые... Особенно привлекают туристов розарии в Ореховой роще — тут розы с мая по октябрь, и всячески окультурены — все ходят фотографируют, принимают. Какое-то благоухание от таких

больших массивов, конечно, есть, но опять же более-менее ожидаемо пахнуть каждый цветок начинает разве что в сентябре! А то и в ноябре иль даже в декабре белеет где-нибудь — и даже пахнет! — невзрачный запоздалый бутон...

Но не цветы нас наиболее поразили — коты. Конечно, и в прочих городах и весях мы всегда обращали на них внимание, но никогда нигде не видели их настолько много и практически повсеместно! Здесь под каждым под кустом — сидит кошечка с котом! И притом самое поразительное, что они не просто сидят — они здесь *живут*: живут на самой что ни на есть постоянной основе, в обычной своей котинной рутине и повседневности. В кустах этих под окнами многоэтажек — как будто целые кошачьи оазисы, тут обитают буквально целыми прайдами; у дверей магазина — как у сетевых супермаркетов, так и у каждой частной лавочки, будь то продуктовая, ремонт одежды или парикмахерская; просто у дороги, свернувшись клубочком, схоронившись от ветра и дождя в ямке за кочкой — зимой! И это никакое не «вторичное одичание»: все эти котики живут свободно — как им и подобает, у каждого своя территория (несколько раз мы видели пришлых, которым тяжело было приткнуться), их довольно регулярно кормят или подкармливают, при этом едва ли не каждый из них, если позвать и потихоньку подступиться, готов к общению с человеком, хотя бы и незнакомым прохожим.

Самое известное и наглядное такое «котовье котов» — как по улице Гребенской к главному входу на центральный пляж выйти. Как увидите впереди железную карету, на коей шашлыки нажаривают, так по правую руку за забором и бордюром котовье и будет. Впрочем, коты и так дадут о себе знать: они здесь циркулируют повсюду. Колоритнейший еще в центре города котовый притон — у зеркальной стены аттракциона «комната смеха», всячески искажаясь и перемножаясь, сидят и тусуются с десятков крупных разноцветных красавцев! Каждый отдыхающий и от Высокого берега прогуливался по набережной: здесь вам и прайды попадутся, и едва ли не у каждой лавки сидят к ней прикрепленные кошечка иль котяра. Пройти дальше — отсюда спуститься по опоясывающим берег дорожкам к центральному пляжу — то же самое. Поражаешься: по лавкам и под ними, по обочинам в кустах, на клетках бетона, как фигуры шахматные — всё коты сидят, горбятся. И хорошо, когда лето — тепло и много прохожих, а то идешь зимой — морозец, ветрище невыносимый, а они всё дежурят. Своему коту выискиваешь в магазинах «ваську» подешевле, но иногда едва ли не один пакетик до дома и доносится — так хочется оделить всех котосов беспризорных!

Самые жалкие котики — уже потрепанные жизнью, увечные или просто жестоко очерстевшие — приходят не понять откуда и поселяются-то в самых нерыбных местах. К примеру, у будочки «Офис продаж от застройщика» у перекрестка напротив «Красной площади». Причем если перейти к торговому центру, то с другой стороны в сточной трубе ниже уровня дороги вполне благополучно (даже со стороны заметно: он очень любит играть, что все же для взрослого кота, тем более уличного, редкость) проживает коричнево-черный, как бы камуфляжный кот. У него там, как и у многих «коллег», выставлены импровизированные мисочки — чаще всего с какой-то дребеденью вроде размокшей одноразовой лапши, остатками сухого корма. Иногда, чтоб поживиться или припустить за котом, ныряют туда собаки. Иногда останавливаются и что-нибудь крошат вышедшие из гипермаркета. Однако эти котосы, даже и из самых черствых, оказывается, не всегда способны акцептировать любой вид корма. Подобно домашним (такие новые — как раз, наверное, выброшенные из дома), каждый из этих усатых-полосатых приучен к чему-то одному: кому сырую «ваську» подавай, кому сухую, кому человеческий корм. И им, как правило, дается. Не топят здесь котят — просто выносят в коробке на улицу: «Авось под елками пусть

живут!» (Как в скверике у памятника «Три свечи»; особенно живописно это котовье в редкости новогодних для юга декорациях — между покрытых снегом разлапистых сосен!). Иногда, правда, можно заметить, что насыпали котикам какую-нибудь откровенную гадость вроде остриженных куриных когтей!

Наш знакомец по первой квартире Вася — матерый ушлый котяра, по сей день пробавляется на привозе. Вторник, суббота с восьми часов — он как штык у мясного или рыбного ларька, и видели бы вы его осанку, достоинство и взгляд! Как он определяет дни недели и что надо обойти весь дом — довольно далеко, по идее, уже не его территория — по каким часам перемещается от одного ларька к другому — одному ему известно.

И все же хоть и редко, но коты меняют дислокацию. Заметить это, конечно, по уличным питомцам трудно, но один больной котик, страдающий, видимо, от паразитов и похожий из-за этого на львенка (бежевый, иссохший, с высохшим совсем хвостом, так что осталась одна «грива»), сразу приковал наше внимание. Давали ему корм типа «Вискаса» — не стал. Обрелся он под «елкой», при дорожке как идти в Ореховую рощу. Издалека уже увидели, как женщина подошла его кормить, мы хотели завести разговор, что надо его лечить от паразитов, но подойти не успели. Потом мы все сокрушались, что «львенок» исчез, может быть, погиб уже. Однако через какое-то время увидели этого котольвенка в Ореховой роще — он был уже практически здоров, вполне упитан, с почти обросшим хвостиком, и люди его гладили.

В Ореховой или у магазинов только и слышишь: «Смотри: кися!» — сюсюкают ребятишкам мамочки чуть ли не до старших классов. А дальше повзрослел чуть — и резко по барабану всё, разве на фоне розанчиков пофоткаться, да тут и джип с музоном и перфоратор уже не за горами. Конечно, не все такие детки. Помимо котосов мы еще подкармливали на стройке двух кобельков — и как отрадно было увидеть, что им приносит еду и играет с ними девчужка лет пятнадцати! Как ни странно, здесь и взрослым есть какое-то дело до этих неизбывных котов, котят и кошечек. Вообще по месту и способу обитания, по приписке к объекту проживания коты распределяются по градациям. На улице живущие одиночно — это одно, на улице состоящие в семействе — уже другое. Иная категория — дежурящие, как сфинкс, у двери супермаркета и живущие на улице при магазинчиках. И уж совсем иное для счастливцев (а их немало!), проживающих — или квартирующих, «временно размещенных» — внутри магазинов и различных заведений, причем не только и не столько закусочных или столовых, как можно подумать, но заведений самого широкого спектра, вплоть до банковских! Такого уж точно мало где увидишь! Заходишь в обувной — на банкетке, как так и надо, холеная кошечка распласталась; на витрине меж обувью, одежкой и бижутерией как будто выставлен — кот; суешься в окошко ларька «Ремонт обуви» — кот! В продуктовом коты-привратники дежурят; в кондитерской тебя чуть не сшибает с ног матерейший котяра, а хозяйка тут же объясняет, что «это он играет», и сама толкает его ногой, чуть не пинает, а кот примерно такой же нежной грубостью отвечает!..

Коты повсюду, даже у моря. Иные не то чтобы со скамеек или ступенек набережной величественные природные красоты созерцают — за ограждениями восседают на самых крутых обрывах, с величественным и невозмутимым — подстать обзору — видом! А некоторые — вообще морские: спускаются по лестнице, подбираются вплотную к морю, сидят и лежат, как и люди, развежившись от солнышка и бриза, на гальке и валунах, едва не омываемые волнами!..

Мы своего Кошмана тоже, как только приехали, к морю потащили. Но вечер уже был, бушевала стихия, и он не оценил... Да он и дома-то к необычному климату привыкал очень долго.

«Цветы любви»

При взгляде в окно ежедневном — какое-то странное ощущение, нечто странное видится: на парапланах вдоль линии горизонта любители проплывают, иногда такой парашют каждые пять минут! Но это даже умиротворяет взгляд, как и видимые тут же архетипически треугольные крыши гостевых домов — здесь даже на многих многоэтажках приделаны такие же навешия, что сразу же меняет вид, не то что не дающие душе секунды отдыха чудовищные коробки.

Или чайки с утра пораньше барражируют прямо перед окнами — кот недоумевает радикально! Настроишь взгляд и слух на ближнее: у переполненных утренних мусорных баков не голуби копошатся и воркуют, не воробьи чирикают и скачут (их здесь как-то нет вообще!) — а именно «бакланы», здоровые и жирнющие, восседают чинно или деловито потрошат пакеты.

Кстати, из невиданных для наших городских глаз пернатых тут можно встретить, к примеру, горлиц или с голубым оплечьем соек — иногда прямо в городе порхают по веткам алычи. На пеших тропах за городом — непременно жаворонки с хохолком, на деревьях возле автозаправок — дроздики, темные, в блестящих, будто конфетти, фиолетовых и желтоватых крапинках.

На парапланах летают вдоль берега моря, представляющего тут из себя довольно крутой, высотой, наверное, с пятиэтажный дом, обрыв. Нам сюда легко пешком — только пересечь пустырь. Берег моря здесь необычный, совсем не похожий ни на песчаный пляж, ни на каменистый, — здесь все в самой что ни на есть зеленой траве! С марта покрывается все дикими злаками, а над их волнистым ковром тут и там торчат конский щавель и лебеда — местные доминирующие сорняки. Сначала, конечно, весенние цветочки являются, низкорослые и, как и у нас, робкие, в основном на самых склонах, напоминая нашу мать-и-мачеху, но очень быстро оживает после безморозной зимы и все вышеназванное, зелень становится какой-то неприлично яркой, растет все, как в убыстренной съемке. Пара недель — и «лопухи» по пояс. А внизу, на нижнем ярусе — красивейшие дикие ирисы, фиолетовые и желтые, настоль миниатюрные и для весны неожиданные, что и не сразу разглядишь, за ними тут же гвоздичка какая-то дикая по обрыву лепится, цмин или бессмертник желтеет, а уже по дороге на гору — низкорослый чебрец, к началу лета можно собирать. По виду и по запаху вроде та же самая любимая наша травка для чая, но принюхаться — против «душицы» с тамбовских просторов совсем не то: отдает бензином, и в заварке тоже, чаще всего бабуси и продают этот подвид незадачливым туристам. Но главное, с самой весны здесь можно на каждом шагу сорвать, растерев в руках ее листья, особой приморской полыни — низенькой, с совсем не горьким, а тонким и сложным, напоминающим парфюмерную композицию ароматом. Есть и еще два вида полыни — та, наверное, что называется лимонной, ее мало, ну и наша горькая, которой много, так что уже в начале лета вся эта травища (плюс еще утрашающий своими размерами и видом чертополох и занесенная, как и упомянутый чебрец, в Красную книгу белладонна) стоит тут в рост человека. В этих зарослях сорняка кустиками и группами мелькает дикая мальва — так называемая *лесная*, с лиловыми цветками и приятным запахом, так что их тоже можно в чай добавлять — в горячей воде цветки становятся прозрачными, как будто медузы, и еще другая мальва, тоже дикая, но с желтыми цветочками покрупней, похожая на обычную. А в мае здесь и на подступах к горе цветет буйным цветом неизвестное мне растение — своей белизной и необычайным запахом оно напоминает и как бы замещает... черемуху! Это правда куст та-

кой травянистый, выглядит как зонт из белых цветочков, иногда диаметром больше метра, так что их издалека видно, как будто выводок ежей каких-то гигантских ползет в гору, а начинаешь подходить — льется по земле сладковатый дух, но все же не черемушный легковосторженный, а прилипчиво-приторный.

Особенно непривычно, что в самом начале весны не одни желтенькие первоцветы торчат повсюду, а красные и синеватые маленькие цветочки — яркие. А уж к июню заполняют все оставшиеся дикими обочины, луга и склоны целые поляны маков — красотища, да и только!

Обрисованный берег, неведомый большинству туристов, да, видимо, многим и из самих аборигенов, тянется вдоль грунтовой дороги на гору, на село Супсех. Условной границей этой природной дикости, шириной всего метров тридцать, служит как раз дорога, по коей часто ездят на машинах, гоняют на квадроциклах, а то и бесстрашно с кручи на великах несутся. С другой же стороны от дороги находятся недавно появившиеся улочки (с названием вроде Платановая, Камышовая — кругом, конечно, ни единого платана, а камышей, судя по всему, теперь еще долго не будет!) со строящимися коттеджами и даже вилами. Самая приметная тут Виллороба, чтоб москвичам и тамбовчанам было понятно, ничем, наверное, не уступает Асеевской усадьбе или чуть поскромнее и помельче масштабом Пашковского дома. Тут можно балы на весь свет задавать или приличную галерею разместить, но в наше время вряд ли и тень чего-то подобного промелькнет — когда «со всей губернии кареты съезжаются». У ее ворот можно иногда увидеть несколько авто с примечательными номерами: 001, 002 и т. д. до 007. (Но это еще что — подумаешь там, Джеймс Бонд ютится по соседству! Неоднократно я наблюдал в Анапе, причем на описанных обеих квартирах, странноватое, чуть ли не мистическое явление, когда утром или вечером глянешь в окно, и вдруг понимаешь, что все машины, припаркованные вокруг, — одного цвета! Чаще всего белые, иногда красные. Допустим, 23 белых и пару сероватых!) Вообще вся эта территория, как говорят, была некрополем античного полиса Горгиппия, гораздо большим, чем сам город, и, судя по всему, пустовала всю нашу эру и под тотальную застройку попала лишь года три назад. Грунтовка тоже странная, усыпанная круглыми камнями, явно из местной морской гальки, а в иных местах можно отчетливо различить маленькие участки мощеные — возможно, древняя дорога, да хотя бы и XIX века, о которой, впрочем, в местных музеях не сказано ни слова.

Сама гора, носящая, кстати, поэтическое название Экономическая, хотя она в Анапе видна практически отовсюду, с этого ракурса наиболее живописна, особенно если вам повезет, как однажды мне, увидеть ее вершины в клубах похожего на приземляющиеся облака молочного тумана... Если забраться довольно высоко пешком — вид почти как с вертолета: как на ладони весь город, раскинувшийся внизу на выступе в море. Здесь есть отличное место для купания, называемое в народе «1000 ступеней». Ступеней действительно много сотен, и металлическая лестница на совесть оборудована — видимо, каким-то частным лицом (поговаривают, вилла, что напротив, — дача Пугачевой), поскольку казенная лестница — деревянный шаткий спуск на неофициальный, но популярный пляж на Высоком берегу, а также развалившиеся раздевалки на нем — всем хорошо знакомы. Довольно высоко на Лысой горе (другое ее название), в заросшей кустарником расселине ютится сельское кладбище — для местных широт картина привычная, а для равнинных обитателей вид все же весьма неожиданный. Поселок, в духе типичного южного пейзажа, взбирается на гору, сам же город, отсюда хорошо видно, стоит в некоей округлой неглубокой впадине, напоминающей спутниковую тарелку, окаймленный на полгоризонта синеватыми в дымке горами — начало Кавказа, а с другой стороны — блистающей на солнце морской синевой. От-

сюда же можно разглядеть некоторые выдающиеся постройки в долине — опять не только коттеджи и домики всех мастей, а, например... средневековый замок! В натуральную величину, из серого такого теса. Мы даже сначала подумали, что это и есть Рыцарский замок для шоу, рекламируемый каждым плакатом на каждой остановке. Но побывали как-то в зарослях у этого туристского «замка» — куда там: невысокие стены, на которые наклеены убогие декоративные «бульжные» плитки, в каждой по несколько дырок с шурупом!.. А тут — эстетика, настоящий монументализм-феодализм.

Но главное — море. Подходишь к обрыву — сразу порывистый ветер в лицо. Иногда теплый, почти горячий, но сильный. В шторм — просто невероятный, буквально сногшибательный, едва можно дышать. Иногда, как ни странно, он дует в сторону моря, а не наоборот. Морская стихия бушует — допустим, в декабре — отрада! Брызги не долетают, но — запах, пена, шум какой! (В зимнее время, пока не перекрыли все саундтреки урбанизма, как было слышно этот рокот дома — особенно по утрам!) Морская тишь и гладь зимой — январь, допустим — свинцово и сурово: как будто только что замерзшая у нас река или озеро. (Надо мной смеется Аня, что я постоянно сравниваю такую зимнюю морскую гладь с заснеженными полями родной Сосновки — эх, взять бы лыжи и погнать за горизонт!) А летом совсем другая гладь — вода прозрачная у кромки берега, отлично видно сверху прибрежное скалистое дно, как будто из плитки кафельной косые ряды выложены. И цвет такой на солнце почти открыточный, светлый циан, и тут же водоросли, медузы как грибы. Чайки над головой носятся, еще какая-то птичка интересная — парит над обрывом, зависая на месте без взмахов крыльями! Зубьями пилы торчат из обрыва углы каменных плит, на каменистом почти отвесном склоне колышутся камыши, сеть виднеется длиннющая, моторка вдалеке режет гладь — как будто жук-водомер. Кораблей здесь обычно не было, но в этом году (2017) показался у берега чуть ли не самый огромный в мире трубоукладчик (на кой как раз президент десантировался из вертолета), действительно нехилый, и около него несколько обычных корабликов, которые потом все лето у берегов курсировали. Вдалеке на горизонте голубеют в прозрачной лазурной ясности горы перешейка Тамани...

Все вроде бы прекрасно, но вообще-то подойти к обрыву и полюбоваться всеми этими красотами весьма непросто и, как сказали бы по-деревенски, гребостно. Виной тому опять же так называемые следы так называемой человеческой деятельности. А вернее, специфического местного отдыха. Приехать на машине пожарить шашлыки здесь, оглашая округу шансоном и пьяным гогомом, и не убрать за собой бутылки и баклажки — это еще что, цветочки. Из коттеджа или даже виллы сгрести сюда строительный хлам или выбросить мебель (как и специально привезти мусор и свалить его с другой стороны дороги, чтобы улучшить вид на гору и поселок) — тоже ничего, терпимо. Тут еще чище — в противоположном, конечно, смысле — развлечения: приехать на машине полюбоваться морем. Причем такой заезд прокатан через каждые метров пятьдесят, и на каждом таком пятячке постоянно стоит авто, по выходным особенный аншлаг — просто нигде не подойти к обрыву.

Да и когдаходишь — всегда (подчеркиваю: всегда!) буквально утопаешь в артефактах активного отдыха. Судя по обилию сих артефактов и тому, что среди них преобладают даже не бутылки, объедки и баклажки, а презервативы и влажные салфетки, в массовом порядке сюда стекаются не просто любоваться, а этим любованием вдохновляться на самое элементарное прелюбодейство. Даже стоны порой из машин раздаются. Дело не мое и не твое, ничье вообще, но едва ли не самый красивый берег загажен, засран до полного неприличия! Буквально некуда ступить — какие цветочки, какое море! — здесь весь ассортимент аптеки под ногами! Стаканчики

с буквой «М» — прогресс: глобализированная забегаловка не так давно открылась, пусть и на другом конце города. И весь этот брег — километра два до самой горы — в таком же состоянии. А люди все равно идут и едут — кто с детьми, кто бегать тут пытается, кто с камерой возится, направляя ее поверх подножного изобилия и как-то между автомашин гигантских.

Под обрывом в одном месте, как стрижи, поселились... бомжи! Там будочка из доревашек сколочена, землянка под ней вырыта, и даже веревки какие-то, чтоб не сорваться, по откосу тянутся. И все как раз напротив новой строящейсявиллы — воистину контрасты! Мы уж задумывались себе такую же вырыть, но мегаджипинг и тотальная помойка и над обрывом не дадут приткнуться. К тому же — ветер...

«Цветы любви!» — шучу я не без горькости, пытаюсь отвлечь и развлечь чуткую к таким вещам жену Аню. И продолжаю: «Вот делают же всякие инсталляции, картины всяческие якобы необычные составляют кто из чего может... Тут можно столько „цветов любви“ использованных набрать — ну, или от них фантиков — прославишься точно в актуальном искусстве монументальным полотном!»

Но сами мы отходим к другой стороне обочины и набираем там великолепные — хотя подчас и пыльные от специально газующих по грунтовке машин — букеты настоящих цветов.

Вина Тамани — гордость Кубани!

Что все же особенно радует, что край здесь виноградный, винный — и именно здесь, на знаменитой 45-й параллели, пожалуй, как нигде в России, культура виноградарства, виноделия да и винопития постепенно возрождается. «Вина Тамани — гордость Кубани», «Последовательно и непублично улучшаем качество наших вин» — такие можно прочесть на бутылках слоганы, весьма непривычные. Ведь в нашей стране, что и говорить, в последние десятилетия куда как привычней, что «последовательно и непублично» ухудшают качество — и не только вин, или тоже довольно последовательно и не особо публично пьют горькую, а гордиться чем-нибудь специфически нашим как-то совсем поотвыкли.

Первоначально, по приезде, у меня была, конечно, идея-фикс приобщиться и самому производству — если уж не в рекламный отдел пойти, то хотя бы самым простецким сборщиком. Но, к сожалению, познакомиться с владельцами гаражных хозяйств или руководителей крупных фирм так толком и не удалось. Сезонная работа по чеканке (обрезке побегов), оказалось, требует особенной профсноровки орудовать таким «мачете» из лезвия косы да и вообще недюжинной выносливости. А чтобы стать сборщиком, надо примкнуть к артели, которая сплоченно трудится с четырех-пяти часов утра, пока не разгорелось пекло.

И все же виноград нам довелось собирать в частном секторе, что тоже довольно трудоемко, но главное, что даже в сентябре эти сорта оказались недозрелыми и вино не получилось.

С точки зрения потребительской здесь, естественно, ощутимый бонус в сравнительно низких ценах и большом ассортименте плюс в курортном южном ареале не такие пока драконовские меры ограничения продажи алкоголя (увы, без разграничения сухих натуральных вин от соответствующих им по градусам других спиртных напитков), есть небольшие хозяйства, делающие хорошие вина и развивающие винный туризм, появляются и европейского фасона заведения вроде анапского кафе с названием, созвучным самому населенному району Нью-Йорка, в коих с вполне бюджет-

ными тонкостями эногастрономии вам подадут не кислятину. Подчеркну, что речь идет хоть и об обычных, но специализированных магазинах, продающих бутылочное вино промышленного производства, а не о многочисленных магазинчиках и забегаловках с подзаголовками «на розлив» или «на разлив».

Тут, конечно, раздолье и красотища — выходишь на перекресток: с одной стороны «Алкомаркет», с другой «Алкотек», и по бокам еще «Коллекция градусов» и «Пивная застава»! И это не только благородство названий, а именно те самые специализированные магазины, просторные и вместительные.

Однако в заведениях сих обычно примерно в таком же стиле консультирование, что и в любом провинциальном городке, например в Тамбове, — коли уж доведется спросить что-то конкретное, то тебе тут же на всех парах выпаливают: «Мы с друзьями на день рождения брали — нормальное вино, вкусное! И башка почти не трещит!». Кондиционеры врублены на обогрев — для вина самое то (чтоб превратилось в укус). Молодые сотрудники вместо того, чтобы во что-то вникать, хоть в самый краешек необъятной энокультуры, так олухами и простаивают — ведь кассу все равно водяра делает, да в последнее время появилась мода на пятнично-уик-эндный наборчик «шампусик, коньячок, вискар»». В сетевых алкомагазинах день скидок так и называется: «Синяя пятница», «Красная пятница».

И даже здесь доводилось слышать, как на вопрос: «Есть ли у вас темрюкские вина?» (они здесь все темрюкские, кроме иностранных!) — молодой человек при бабочке замаялся и принялся перечислять расхожие крымские и грузинские...

Но в некоторых магазинах все же есть профессионалы. Здесь вас с порога могут встретить:

— Вы какие сорта предпочитаете: автохтонные или ампелографические?

Тут, конечно, покупатель теряется: «автохтонные» скажешь — пролетишь с ампелографическими... Ответишь «ампело...» — тоже мало ли что... Между белым и красным, между сухим и полусладким еще хоть как-то решаются сделать выбор (обычно в пользу второго, с вопрошаниями типа: «Оно *совсем* сухое? Совсем несладкое?»), а тут уж совсем запутаешься.

Но мы-то уж люди бывалые, в каждом магазине знаем свою недорогую, но вполне приличную полку и даже единственно верный ответ своей смекалкой выработали.

— Терруарные корнесобственные, — чуть небрежно отвечаешь, и все, вопросов больше нет.

После этого неплохо еще приобрести бутылочку с названием на этикетке «Голубок».

Конечно, все это анекдот, и оттенки в терминах-синонимах различимы лишь специалистам — почти как оттенки качественных вин.

«Голубок», кстати, — сложный гибрид, первоклассное вино, а есть еще «Рубин Голдриги», «Амурский Потапенко», «Цимлянский черный», «Шираз», «Каберне Кортис», «Санджовезе», «Франковка» — это уже не привычные простые мерло и каберне... Белыми мы меньше увлекаемся, но холодненький мускат летом в охоточку или гай-кодзорский «Гевюрцтраминер», шато-таманский «Рислинг»...

«Да все вино там порошковое!» — часто приходится слышать как от местных, так и от приезжих «знатоков». Люди столичные не без снобизма начинают нахваливать заморские вина (по ценам свежайших наших часто как раз сделанные из сухого концентрата), а товарищи попроще непременно оказываются в соответствующих ларьках и подвальчиках за дегустированием спиртовых настоек с ароматизаторами, как будто сами себе доказывая, что порошковое вино не миф. Кроме того, практически любая экскурсия «с дегустацией» (кроме туров на места производства, на заводы, например, в Абрау-Дюрсо или на Шкуратку) предполагает, что незадачливым туристам без вся-

кого зазрения совести будут плескаться в пластиковые стаканчики разнообразные «натуральные» «вина» и «коньяки», а те с умным видом будут смаковать, а потом еще за приличную цену приобретут по паре баклажек с собой. Когда мы, плюнув, вышли вон с очередной такой «презентации» и сорвали с двух одиноких щуплых кустиков изабеллы по яголке винограда, на нас тут же набросились: «Не рвите — мы его в вино *добавляем!*» Хваленое домашнее вино, пусть оно и «из чистейшего винограда», как правило, с сильным нарушением вкуса, с явными тонами уксуса, в лучшем случае переслащено добавленным сахаром. Такова, к сожалению, пока что отечественная культура винопития.

Но все же, повторюсь, не может не радовать, что такая фундаментальная, но непростая для нашей страны отрасль возрождается: закладываются новые виноградники, их площадь увеличивается (25 тыс. га нынешних супротив 70 советских), есть и фирмы, и фермы, и профи, и ценители, и продавцы хорошие (особенно продавщицы!), а то и даже с кем выпить.

Вьюжная — как ни странно!

Одной из самых больших неожиданностей оказалась для нас погода. Не вникая в тонкости, мы подумали, что везде, где есть море, круглый год тепло и влажно, как, например, в привычных окрестностях Сочи. В Анапе же климат оказался весьма редкостный — *средиземноморский сухой*, из-за чего, как уже упоминалось, летом сорокаградусный зной без вечерней прохлады, так что и цветы-то еле дышат. Пугали нас немного и анапской зимой: «Вот борá задует, дожди польют...» Да что мы жары, дождя и ветра не видали, что ли?

Но бора, оказалось, в Новороссийске лютует — когда все чуть ли не на бегу леденеет от ветра. Как там зимой живут люди, трудно и представить. Трудно представить, как при летнем зное и без моря живут в Краснодаре. А здесь, на Анапском мыске, все хитро: как только все курортники, даже и самые мудрые сентябрьские, за порог — налетают осенне-зимние ветра: порывистые, шквальные, а лучше сказать: практически непрерывные. Выходишь из подъезда и только высовываешься за угол дома — сразу чувствуешь, почем жизнь, как будто на палубу корабля ступаешь или делаешь первый шаг в экспедиции на Северный (ну, или Южный) полюс! Раз мне пришлось сушилку для белья тащить — и это вещь на парус никак не похожая — рвет из рук, и нужно всячески лавировать, а с зонтиком высунись — наверное, тут же улетишь или с одним крючком в руках останешься. Поэтому с ними никто и не ходит. Бывает холодный, пронизывающий ветрище — при температуре +5, +1, а тем паче при -1, наш мороз двадцатиградусный курортом покажется! Но бывает и зимой теплый ветер. Иногда глянешь с горы на панораму города — обдаст едва ли не горячим декабрьским ветром, и марево горячего воздуха вдалеке движется, как у нас в июле... Бывает, солнце, а ветрище еще тот, в общем, он тут постоянно. Приятного с непривычки мало, порой от порыва чуть дыхание не перехватывает — надоедает как-то, но местные жители не кутаются в платки и капюшоны, даже курить на улице умудряются!

Деревенский житель, я знаю, как зимой в трубе завывает. Снежные заносы — это одно, а если при оттепели выходишь в деревне после «урагана» — все кругом усеяно мелкими веточками. Ломаются большие сучья, падают столбы, деревья, долго нет света... А в городе — так и вообще кошмар, срывает дорожные знаки, вывески, провода. А здесь — грохочут, болтаясь «на соплях», все эти заграждения вокругстроек — из металлических щитов, дребезжат всю ночь листы на крышах — все только крепче

дрыхнут. Утром никаких тебе веток или разломленных стволов — покой, солнце, тот же веселый ветерок...

17, 20 м/с — привычно, а то и 24 м/с зарядит, а иногда и больше. 24 м/с — это «просто» шторм (а вообще-то «небольшие повреждения, ветер начинает разрушать крыши зданий»), в средней полосе после такого долго еще приосаниваются, а в столице так и вовсе полнейший коллапс случается. А здесь выглянешь в окно и только диву даешься — кто-то еще в майке неспешно шествует! Полезешь в октябре виноградику собрать на буйдане — плащ-дождевик просто раздирает в клочья. А люди работают!

«То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» — у нас это все же зимой, бурно и все же редко. А уж как здесь завывает ветер в вентиляции — слушаешься ежедневно, вернее, еженощно, всю осень и всю зиму. Невольно нападает самая типичная, с оттенком романтики даже, меланхолия: раньше, читая, допустим, Стивенсона как было нам понять, что там вообще насвистывает и подвывает, нагоняя тоску морскую и жажду приключений, в прибрежных домиках и тавернах. Да в трубе еще что, а когда совсем вблизи от моря поселились, первый зимний месяц не могли привыкнуть и натопить холодные бетонные чертоги, в которых ветрище в буквальном смысле свистит — так и содит через всю квартиру из балкона во входную дверь. Балкон застеклен, дверь на него закрыта, щелей особо нет, но продувает, как сквозь какой-то полустанок! И через каждые две минуты раздается в буквальном смысле свист — как свисток чайника, как будто кто-то, какой-то неведомый тролль иль, лучше, Муми-тролль выглядывает из-за угла и что есть мочи дает свисток. Кот бедный совсем был в шоке и дрожал как осиновый лист на семи ветрах. Но иногда ветер все же потише, в более-менее теплые дни в квартире душно, особенно при отоплении и уплотнении, и приходится на ночь окна открывать — ветер, как паруса, надув шторы, так и пролетает «транзитом», непривычно и неприятно, но постепенно и к такому привыкаешь.

С такими порывами дождь — как горсти гороха в окна... Благодать — хоть какая-то влажность. Летом дождей не дождешься. Но сейчас это и в Тамбовской области обычное дело, суть в другом. Пройдет дождь, и вроде бы приличный — с утра в окно все то же неизменное солнце — палящее летом, даже зимой такой же сухой, залитый светом асфальт... Раза два за первое лето видели ливень «тропический» — потоки по всему городу цвета сильно разбавленного молоком кофе — думали, смочет... Через два часа — так себе, как будто дождичек был позавчера. На другой день утром — сушняк, как будто вообще ни дождинки две недели не было! Не держится влага, все тут же высушивает и выдувает. Цветы на подоконнике летом держать нельзя — сгорают. Летят облака — в буквальном смысле летят — клочки их, ошметки, целые гирлянды и огромные тучи, даже голова с непривычки кружится! Всю гору заволакивает облачная мгла — темно и грозно — ну, думаешь, сейчас как грянет! Через полчаса глянешь — нет и следа! Да и ни капли, ни полдецибела грома!

Осенью-зимой вроде бы и дождь, и ветер ледяной, и тучи эти бродят, и всяческая отвратительная промозглая неуютность... а утром — слепящий блеск солнечного диска, сушь, по ярко-голубому небу облака несутся, веселенький ветерок!.. И так всю первую половину дня железно. Конечно, добавляет позитивности, как будто желтеньких шариков витаминов к каждому обеду, перекусу, даже к каждому блюду... Проснешься иногда с бессловесным осознанием картинки: «июль, жара...», и тут же спохватишься, что на дворе вообще-то конец ноября или первые дни нового года! Кожа сохнет, как будто только из горячего моря выбрался, иной раз и в феврале так жарит, что приходится в темных очках выходить. Уж взвоешь тут по нашим пейзажам — когда все серое, сырое, раскисшее, мягкое... Неторопливая, тихая, но яркая осень — такие краски, такие запахи в прозрачном этом, насыщенном влагой воздухе — сухих

и гниющих листьев, их шелестение под дождем, плавное падение, сухое шуршание, их размокший ковер под ногами... Простейшие вещи — и не напрасно воспеты классиками! — их метафизику мы и всегда ощущали, и в городе, и в деревне, а здесь, когда ничем не пахнут листья, и только желтые с платанов и редких корявых березок — как-то тоскливо... Как ни цепляйся взглядом за виды ставшего неприветливым и величественным моря, за великолепнейшие закаты в немыслимых фиолетовых флотилиях, плывущих сквозь ярко-оранжевые полосы в угасающем розовом своде небасолнца, как ни меси глинистую грязь по лугам и обрываю — никакой метафизичности нам отыскать и нагулять так и не удалось.

Особенно не хватает, что и говорить, снега. В первый год нам посчастливилось в ноябре увидеть привычное утро первого снежка. А под Рождество — целый снегопад, и впрямь, говорят, из разряда небывалых. На одну ночь все вокруг превратилось в зимний сказочный лес — южные сосны с длинными, как вязальные спицы, иглами¹ непередаваемо живописны. Однако дальше — лишь мгновенно сдуваемые с бордюров асфальта щепотки какой-то муки или манки — больше чем через год! Куда уж там о метели мечтать и вьюге. Новогодние бумажные снежинки на окнах здесь очень даже кстати.

Но все же вьюгу мы вскоре увидели — из песка приморского и соленых брызг!

Рапаны: морская тихая охота

Еще скучали мы из природного по грибам. В Интернете можно вычитать, что и здесь они есть, но и пишут как-то вяло, и в любом случае в таком деле нужен живой наставник. То весной какие-то грибы, как в лесистой части Тамбовщины сморчки и строчки (второй, между прочим, очень токсичен, а поди «по картинке» их отличи), то «в ельнике» (а какие тут ельники?), то «в лесу», тогда как по горам все эти заросли малопроходимы, зато встречаются там ядовитые растения.

И все же нашлось занятие, весьма к грибной охоте близкое, — соби́рание рапанов. Это всем знакомые ракушки, которые обычно привозят с курортных поездок в виде сувениров, обитающий в них моллюск, если чуть припустить его с лучком, весьма напоминает жареные плотные грибки. После сильного шторма их немало выбрасывает на берег, идти «по рапаны» желательно утром, и так краем моря от впадающей в него речки Анапки и по всей песчаной косе, хоть до самого Витязева. Мы, однако, поутру не поспеваем, добираемся туда уже часа в три дня, а один раз даже с фонариком добычу выискивали! Но главное, все это зимой — декабрь, январь, февраль — и при самом ветре и холоде — самый рапан!

Море здесь самое классическое — центральный пляж и дальше от него сплошные пляжи, летом поделенные не менее многочисленными, чем грибы или рапаны, санаториями и кишашими людьми до каких-то невообразимых пределов человеко-единицы на квадратный метр. Санатории и пансионаты все эти, коммерческие пляжи огораживают *свои* участки нетесаным заборчиком, как огороды в деревне, ставят на углу подобную деревянному нужнику раздевалочку и с удовольствием взимают за это мзду, без церемоний изгоняя тех, кто не хочет пожертвовать 150 р. за вытеснившее

¹ Сравнение из автобиографической повести К. Паустовского «Бросок на юг», которую мне довелось прочесть под конец работы над своей. Вообще пицундские сосны можно увидеть едва ли не в любом фильме-сказке, в зарубежных или наших приключенческих фильмах. Самые лучшие примеры — погони в «Королевстве кривых зеркал» и «Кавказской пленнице». Другое древо сказочного леса — уникальный реликтовый можжевельник на Утрише. Но, к сожалению, и здесь не природа наступает, а со всех сторон на нее.

бесплатное пространство койко-место под солнцем, меж тем как обычных туалетов на побережье не сыскать, а из отелей канализационные стоки сливают в воду. Курортный сбор тут, конечно, есть за что платить! Экологи утверждают, что вред всей уникальной песчаной экосистеме наносится непоправимый, что строить вообще можно лишь на расстоянии в полкилометра, и это якобы даже закреплено в законодательстве, но что поделаешь — «людям нравится».

Но это летом, а сейчас тут всегдашний ветрина с моря, только зачехляйся, и на том же месте, где в сезон яблоку негде упасть, бредут вдоль моря редкие собиратели, любители прогулок, скандинавской ходьбы или бегут отважные спортсмены. Мы тоже, как только переехали, месяца два пытались тут чуть ли не ежедневно бегать. И кстати, здесь неплохо — лучше, чем по узкой набережной, где всегда народ да и так двоим бегунам едва разбежаться. Бежишь по самой кромке моря, только увидевшая от непредсказуемых набегающих волн, свежий бриз, под ногами утрамбованный песок — тот же асфальт, только лучше и мягче. Некоторые и на великах здесь умудряются рассекать! Только осенью здесь все еще отдыхающие, а зимой все же обычно ветрище дикий.

Редких зимних приезжих определить легко — они собирают раковины рапанов и мелкие ракушки. Летом и осенью ни рапанчика не выкопаешь из песка вообще! Кое-как кому-то посчастливится найти ракушечку маленькую — праздник, а сейчас тут кучами намыто этого ракушечника, только хрустящего под ногами, — так же почти, как на Азовском море. Иногда могут и местные вместе с живыми рапанами собирать и пустые «домики» — в сезон-то каждая раковинка, покрытая лаком, в 20—30 рублей, и их тут видимо-невидимо, знать бы только, «куда сдавать».

Но все же местные обычно собирают рапанов — очень похоже на грибы: за каждым рапаненком нагнись, проверь, не пустой ли он, новый издали примет, грибников огляди, взглядом проводи, а сопутствующих — как-нибудь опереди! Нагибаться нужно чуть ли не через каждый шаг, и так прошагать километра два-три, руки на ветру и в воде сразу коченеют, свежий бриз этот через всю зимнюю экипировку порой пронизывает, не говоря о том, что грибцы-то они легкие, а бесплатный белковый продукт в оболочке — почитай как камни тащить. Но все равно — благодать, отличнейшее занятие и развлечение, с настоящим азартом грибника плюс вскоре мы, конечно, приобрели сноровку в различении «хороших» на глаз чуть ли не в темноте или вытаскивании только что выброшенных волной.

Но главная фишка и загвоздка в том, что только при самом холоде рождает море рапанов. Какая в данный миг стоит погода в районе Центрального пляжа, угадать невозможно, нужно ехать. Как только тепло и ясно, море спокойное — ноль рапанов.

Описывать морские красоты при хорошей погоде не будем. Обычно мы на закат попадаем. И к морским закатам и видам быстро привыкаешь, особенно когда все на часы смотришь: дома дел полно, а добычи на ужин еще мало. Но можно узреть, например, и совсем редкое явление, оно уж не оставит равнодушным: над морем летят тончайшие белейшие облачка — как будто мазки кисти художника, обозначающие вверху картины череду каких-то перышков и паутинок, — летят они стремительно в одну сторону, а им навстречу чуть пониже плывут тяжелые кучевые... На глазах происходит взаимопроникновение, и кажется, что, встретившись, они пролетают друг через друга, как два эфемерных видения. Или на штормовом тяжелом-грозном фоне, весь в стихии-завесе дождя и брызг, покачивается близ берега корабль...

Но вообще первым делом мне рассказать хотелось не об этом.

«Змейкой мчится по земле легкая поземка!..» — вот что мы с Аней в один голос воскликнули. С детсадовских лет не могли не запомниться строчки: у нас обоих дни

рождения в феврале, и куда же там без поземки. Для меня это одна из любимых поговорок — бушевание зимней стихии. Или уже на грани медитации и меланхолии: когда идешь на лыжах или на машине едешь и видишь, как по сплошной белой плоскости пронесется рассыпчатыми змейками нечто — как будто стремительно сдувается все проходящее с лица земли. А вот и тут — в порывах ветра страшных вздымаются клубы песка и летят, нещадно гонимые, прямо на барханы! Вот вам и вьюга. Но чаще все же поземка. Приходишь по рапаны — вдруг налетает ветер, и дует, и дует — поземка песчаная так и мчится, точь-в-точь как снежная у нас! Ура!

Как правило, она в спину дует, в сторону Витязева и Джемете, или с моря, но все равно песок в глазах чиркает, на зубах похрустывает — но и к этому постепенно как-то привыкаешь.

Песок тут, все рекламируют, кварцевый, лечебный. Барханы как на картинке, хотя их зона вблизи Анапы очень узкая — всего лишь каких-то пара десятков метров между узкой полоской пляжной и наступающими коробками города. Напоминает те же наши посадки, в которых сформирована особая почти лесная экосистема меж привычных полей. Сколько раз приходилось тоже в юные лета перечитывать, как бы пропуская мимо внимания, ничего не означающие фразы приключенческих романов: «дюны, поросшие тамариском»... И вот он тамариск, и прочие пустынные колючки, особенно впечатляюще это смотрится в тот редкостный зимний час, когда покрыто неким подобием инея.

Растущие вдоль пляжей деревца, напоминающие наши ветлы по берегам рек, — *лох серебристый* или «дикая маслина»; плоды его, похожие на облепиху, только зеленоватую, туристам не удастся отведать: только к октябрю они становятся сладкими... Конечно, шутка: нынешнему всезнающему человеку (тоже сколько ни спрашивали, не могли дознаться, как называется!), когда кругом сплошная химическая аптека, отведать их и в голову не придет: невзрачные, косточка, да тонкая сухая шкурка, да еще колючки! На самом деле дерево народной медицины не хуже грецкого ореха.

Бредешь по берегу, отпрыгивая от волн... Как грибник к постоянным «полянам», устремляешься к «рапановым заводям», где не только пустых ракушек, но и с живыми моллюсками обычно, бывает, не оберешься. Под ногами хрустит, как гравий, ракушечник, в нем попадают створки мидий, устриц, «ноготь русалки», сердцевидки (тоже съедобные — как попутные грибы в лукошко к основному виду), мелкие крабики, мутные кругляки дохлых медуз, дохлые птицы, коряги, ну и, конечно, пластиковые свидетельства присутствия человечества. Однако мидиями и «ноготками» не поживишься, устрицами и крабами и тем более: завезенный на днищах кораблей рапан пожрал и вытеснил всех благородных моллюсков.

А рапаны как те же грибы: если они есть, то есть. Пусть и перед тобой по той же дистанции пять раз уже прошли (особенно это наглядно не в лесу, а как у нас собирают грибы по посадкам) — все равно. Человек не все приметит, а при дождичке едва ли не на глазах выскакивают новые. А тут тем более — с каждой волной! Бывает, несколько километров проделаешь, кланяясь и измокнув, — что называется, на один раз пожарить не наскребется. Крайне редко, но иногда бывает и наоборот: штиль и чуть ли не летняя духота, но пару пакетов за полкилометра можно легко приобрести.

Иногда после сильного шторма их буквально приходится выкапывать из песка, а вся песчаная кромка усеяна створками от рапанов. Как правило, в такую пору появляется неожиданный конкурент — воробы.

Песчаное русло меняющей течение Анапки, зимой медленно несущей уже морскую воду обратно, иногда мелеет, и можно на обратном пути перейти его в сапогах. Прямо под деревянным мостиком видны торчащие из днища ржавые прутья арматуры: а ведь летом с этого моста прыгают дети, и Ане не раз приходилось обращать-

ся к ним или к их родителям — но ответ все тот же, что «кто сейчас остановит ребенка семи лет!..» Здесь и купаться-то не рекомендуется. Кстати, на Центральном пляже, где как медом намазано для любящих кучковаться отдыхающих (а на самом деле вонь и слизь от цветущей морской водоросли камки), песок самый обычный, из карьера, зимой можно видеть, как его привозят грузовики.

На Анапке утки плавают, и в море тоже, даже несколько видов, — качаются на волнах забавно, а так называемые крохали еще и ныряют, так что исчезают очень надолго, — кстати, за рапанами. Но уток кормить, скажу я вам, так себе удовольствие. Зимой здесь на море царствуют лебеди. Для нас это как бы дополнительный эстетический стимул к рапановой охоте. Не сказать даже, что стая — скорее, несколько стай. Иногда дюжина лебедей плавает за мостом в Анапке (там мы даже под мостом видели одного дохлого), всегда обширная группа штук в тридцать особей плещется в волнах на мелководье в аккурат напротив главного входа на Центральный пляж. Здесь-то с ними и общаются люди, фотографируют, обильно кормят хлебом. Другие стаи, особенно в шторм, попадаютя подальше, по мере сбора рапанов...

Птицы, что и сказать, грациозные, белоснежные, большие... а уж какие большущие у них лапы! — не оранжевые, как у гусей, а черные, посаженные по сторонам, загнутые назад — что твои ласты! Подплывают они очень близко, и всю моторику этих необычайных лап можно наблюдать в прозрачных волнах в полуметре. Бросают корм лебедям, но тут же на него кидаются также нырки и утки, неизменно обрамляющие лебединую стаю. «Бакланы» — здоровые, чуть ли не с лебедя! — с криком перехватывают подачки на лету. Лебеди раскрываются, пытаются отобрать добычу — но не суетливо, а как будто играют в какую-то игру. Бывает, начинают щипать друг дружку, издают свой характерный звук, — но никак не шипение (лебедь-шипун называется), а что-то промежуточное между похрюкиванием и лошадиным всхрапыванием. Одни блестяще-белые — это, видимо, взрослые особи, а в оперении других едва заметно проступает некая сероватость, хоть и очень слабый, но все же намек на подростковый птичий пушок, знакомый нам по деревенским гусятам и утятам². Вообще пишут, что кормить их хлебом вредно, нужно брать крупы или листья салата... Только салатом никто их не балует, и не хотят они эту крупу!

Когда народу на берегу немного, лебеди выходят из воды, десятков самых смелых шипунов вполне можно подманить вплотную. И что самое интересное — они даже начинают есть из рук, с боязливым рывком неизменно прихватывая пальцы в перчатке или без, как уличный кобелек! Клювы у них большущие, но не больно. Аня таким образом выманила нескольких белых красавцев из воды, а двух из них, беседуя с ними, глядя и подкармливая, довела по песку до самих центральных ворот пляжа!

И особенно уморительно было то, что невдалеке под присмотром родителей то же самое робко проделывал маленький мальчуган — сам не больше птицы и ее боящийся, он едва ли не увел своего «гусю» домой!

Другие лебединые группки, менее скученные, покачиваются на волнах на отдалении от берега, как бы медитируют в одиночестве, забавно занырявают, поигрывая блестящими, как кисть в белой краске, гузками, иной раз становясь вертикально, как поплавок. Но больше всего поражаешься, как быстро лебедь из стаи у берега плывет к своим сородичам на расстоянии — вот что значит работа лапками! — причем лап не видно, и весь его вид, особенно когда выставляет на спине «закрылки» парусом, абсолютно величествен — как у яхты или каравеллы.

Рассказывали, что несколько лет назад саданул мороз под тридцать градусов, и людям приходилось вырубать бедным птицам изо льда лапки. Замерзла не только Анапка, но даже кромка моря!

² На второй год, когда лебедей прилетело мало, молодняк не «едва заметно», а очень сильно выделялся.

Но чаще бывает, что берег весьма сильно заливаает, нечто вроде небольшого наводнения. Пляжные строения подмывает, рапанов и прочее выносит чуть ли не до асфальтовой границы города. Один раз после такого половодья мы набрали пакетов шесть большущих — сколько смогли унести. Все никак не могли остановиться! Оказалось, что Сергей Левин, наш, по сути, единственный здесь гость, за пятнадцать лет в Анапе ни разу не пробовал рапанов! Устроили, конечно, рапановую мегавечеринку — на грани белкового отравления. Чищенных моллюсков отдали Сергею — у него есть холодильник, и он потом еще не раз хвалился, что все еще с удовольствием и вволю ест мороженных.

Конечно, рапановая охота и пескетарианское гурманство — удовольствие не для каждого. Таскайся с ними по холоду, еще домой их как-то, эти протекающие мешки, приволочи, а дальше еще кулинарная обработка, весьма, кстати, схожая с приготовлением грибов: свалив в таз, заливаешь водой, только замачивать не нужно, просто промыть от песка да и варить чуть, до кипения, а дальше как грибная чистка и сортировка... Хоп — на сковородку с лучком! Поначалу мы пытались все же «хоть как-то прожарить» — получалось на вкус как куриные пупки и жесткость соответствующая. В некоторых кафе отбивные из рапанов предлагают, но это опять же добрый кусман пережаренного кляра. С морепродуктами, известно, вся соль в том, что чем меньше их жарить, тем лучше. Можно вообще не жарить: порезать помельче, смешав с рубленой зеленью, оливковым маслом и соевым соусом — и к макаронам.

«Если уж захотел этих гадов попробовать, — обывательски рассуждают, — пошел вон на рынок, взял килограммчик!» И действительно, на Центральном рынке всегда можно купить рапанов, они уже очищены и заморожены в пакетах по килограмму. Полкило вам вряд ли отковырнут, но посмотреть и понюхать дадут. Надо сказать, что сами рапаны не имеют какого-то ярко выраженного вкуса (особенно выделяется разве что их печень, довольно большая, и при чистке не надо ее выковыривать), да и запаха, кроме типично ядовито-морского, при варке не благоухающего. А рыночные рапаны пахнут... арбузом! Тонкий такой запах, приятный — хочется прямо быстрее их на сковородку! Секрет, нам кажется, в том, что при промышленном производстве моллюсков замораживают с уксусом, вступающим в реакцию с белком. Может быть, уксус помимо консервации способствует отделению ножек от раковин. На вкус примерно такие же, как и свежие, разве что может быть горечь от недостаточной прочистки, да и стоимость 600 р. за кило. Здесь же, на рынке, в разделе разносолов, вам предложат 100 граммов маринованных рапанов за те же деньги. В первый раз я так и попробовал — съел, правда, один маленький шпынек, на бóльшие растраты не решился. У всех этих так привлекательных и разнообразных на вид уличных маринадов один единый вкус — сильного уксуса.

А рапан свежайший — хочешь закуска, хочешь замаринуй, или плов можно соорудить неплохой, вроде паэлья — все подспорье в хозяйстве и рационе.

Особенный момент, напоминающий какое-то пространственно-временное смещение или дежавю, когда, все же оторвавшись от затажного собиранья, нагруженные сумками с морепродуктами, мы выбредаем через полоску барханов на асфальтовую дорожку и, усталые и довольные, идем вдвоем по тополиной аллее... Сзади шумит стихия и догорает морской закат, а впереди эта аллея с жухлой листвой и круглогорично торчащей из серой земли щеточкой ярко-зеленой травки выглядит точь-в-точь как такая же обычная захолустная улочка в Тамбове, в наполняющие странным ощущением дни или даже часы ошутимого прихода весны в середине апреля.

«Там за барханами — море с рапанами!..» — напеваем мы, благодарим море за его дары.

Руккола, грецкий орех и прочее собирательство

Пусть уж простит читатель: не будем вторить привычным блогерским зарисовкам, полным впечатлениями о купании, валянии на пляже и нехитрых развлечениях, пусть даже и так называемых экстремальных.

Родом я из тех мест, где «степь да степь кругом», и в детстве под палящим солнцем по иссушенным пыльным черноземным проселкам приходилось давать жару на велосипедах по несколько километров!.. Есть это купание и сейчас, но уже не на великах туда ребягтя наябрюет — по два человека на каждые два колеса! — а на машинах, и гораздо реже: речки заболотились, дно не расчищено, не разбито пятками, тут же всасывает больше чем по колено в тину — приятного мало. В Тамбове же наоборот — все превращено в какой-то пляжный оазис, натканы лавочки и грибки, насыпан песок, и молодежь только и делает, что целыми днями жарится на солнце, дефилируя в непривычных для наших широт мини-бикини и выкроенных по ним же микрошортах и кроп-топах, обретая тяжелый, сероватого какого-то оттенка загар. В студенческие мои деньки необустроенных 90-х на набережной ни намек не было ни на что подобное! Поэтому не привык я к праздному вылеживанию — мне даже на море сорока минут за глаза хватает!

Скажу только мельком, что купались мы здесь и при самых различных кондициях, подчас весьма экстремальных. В самый шторм, когда можно кататься на волнах, вода, мутная от песка и водорослей, катит на тебя стеной, все гремит и брызжет... — но «почти серфинг»! Что называется, с осторожностью: даже на мелководе откатом волны сильно затягивает, а на каменном пляже вообще приходится выползать, как ящерица — на руках и животе, да и то по паре раз мы в «стиральной машинке» шторма порасшибли колени. Ночью купание — самое то, когда никого нет, серебрится лунная дорожка, а вода мягкая и прозрачная. Но в таких потемках я однажды поплыл к буйкам и возле них, не разглядев, наткнулся на двух огромных, не меньше волейбольного мяча, медуз, и одна из них меня прилично стреканула. В другой раз «укусил» коралл: только ступил ногой в воду — что-то кольнуло, и тут же вся ступня загорелась от боли, как будто стекловаты в нее натолкали. «Коралл», конечно, громко сказано — что-то малоприметное из обычной мелкой поросли на камнях, крошечный прокол кожи, но жжение такое, что ковылять пришлось целый день. А в перегретом солнцем море, кишашем мелкими медузами, как будто в таз с замоченными грибами бултыхнулся, сто раз приходилось барахтаться, играть ими «в снежки». Но лучшее купание, конечно же, вдали от непролазной людской гущи, например на «1000 ступеней», — здесь как будто совсем другое море, свободное от всеразьедающей человеческой накипи.

В укромных таких местах часто встречаются дельфинов. В первое лето мы тоже не раз их видели — выпрыгивают себе в волнах и блеске. Это все с набережной видят. Разве что сфотографировать на приближении, и то из-за солнца не получится. Говорят, они никогда не заплывают в замкнутое пространство — как раз в бухточку (заливчик), где купаются. Но нам один раз чудесно повезло: дельфины стали резвиться прямо в десятке метров! Сначала мы, поглощенные радостью купания после долгой разлуки с морем, даже не понимали, в чем дело, на что люди так смотрят, с улыбкой показывают, восторженно реагируют. Только увидели «кульбиты» — совсем близко, в зоне купания на мелководе! — и тут же один дельфин выскочил в нескольких метрах от Ани! Я ей кричу что-то вроде: «Лови! Пльви к нему!», но она от неожиданности растерялась. Одно дело дельфинарий, а это же дикие! Я, уж насколько неважный пловец, со всех сил пустился, и она следом поплыла, но дельфинчики, показав на про-

щение шоу, все же скрылись. «Эх, надо было звать их, общаться!..» — сокрушались мы, и даже рассказу этому мало кто поверил.

О другом будет речь — о неприметных цветах пастушьей сумки — как в знаменитом хайку Басё. «Вглядишься» — и увидишь их «у плетня».

Переехав в Подмоскovie, я стал все больше обращать внимание на мир растительный, и даже не на деревья, в которых особого разнообразия в средней полосе нет, а именно на травы. Пешеходному человеку или даже на двух велоколесах куда как проще разглядеть то, что буквально «растет под ногами», и что уж точно не увидишь из-за баранки мегаджипа. Гуляя по берегу озера, в кое-где сохранившихся еще остатках лесов и лугов, я невольно начал вести сравнительный анализ, что из увиденного растет и у нас, а что нет. Я вдруг понял, что знаю названия всех трав, пусть и простонародные, произрастающих у нас в деревне. Да что названия — по запаху с закрытыми глазами отличу, а большинство из них я даже на вкус отлично представляю! — таков уж опыт детства. Конечно, гордиться тут нечем, знание для нынешнего индивида бесполезное, совсем далекое, вы добавите, от мира заработка и потребления, а потому даже и нелюбопытное. Мистер Набоков об этом что-то писал, что стыдно не знать названий трав, которые каждый день видишь, по которым ногой ступаешь, но он-то аристократ, с сачком своим бонмотировал от нечего делать, это еще до эпохи постисторического материализма было. Но Аня, как ни странно, меня поддержала. Пусть и городской она житель, но в детстве не об железобетон и «специальное покрытие» она, гоняясь, стесывала коленки, а лазала по деревьям, среди кустов и трав закапывала «секреты» и обуштраивала шалаша. Слово за слово мы начали выяснять, что «растет в Тамбове, а что в Сосновке», затем еще в саму столицу переехали и даже здесь по кое-каким закоулкам и оставленным «под природу» клочкам так же юннатствовать умудрялись...

И вот, только выбравшись из такси с двумя чемоданами на асфальт, мы сразу увидели возле нашего нового — страшного, надо сказать, на вид — дома, в углу подле дверцы в мусоропровод... Ту самую пастушью сумку — «но немного не такую, как у нас», — пока без цветочков, ведь март! Никому она тут не нужна — просто сорняк на углу клумбы. Да и мы не знали или не вспомнили, что про нее триста лет назад дотошными японцами стихи сложены. Но вспомнилась мне потом гениальная фраза другого поэта и философа: «Сорняки — это растения, полезные свойства которых еще не открыты», и после, выходя из подъезда, невольно наблюдали мы за этой сумкой, когда она зацветет...

А в этот миг наша хозяйка, молодая и «из продвинутых», рекламируя квартирку, изрекла: «А вот тут, за домом, по субботам рынок. И там, представляете, даже рукколу можно иногда купить у бабушек! И недорого!..»

Мы, конечно, обрадовались. Знаем мы эту рукколу: в стольном граде приобщились к ней в пакетах из супермаркетов — дорогущая, однако, да и свежесть у нее недолго держится; «эмигрировав» из Москвы в деревню, первым делом принялись за возделывание для деревенского огорода неведомых (и никому из аборигенов и даром не нужных!) приправ... Все помним: засуха была такая, что ломом и лопатой кое-как обработали участок два на полтора, посеяли базилик, кинзу и чуть не три подвида рукколы, устроили даже навес от солнца, поливали... Базилик так и усох, рукколу вмиг пожрали мошки, а кинза к октябрю была изрядная!..

Уже недели через две, шествуя по улицам и дивясь всему тому, что «колосится» здесь на обычных клумбах в конце марта (розмарин, к примеру, а рядом с ним — лаванда!), Аня вдруг с восклицанием: «Уж не рукколу ли кто здесь посадил?!» — указала мне на знакомые очертания листьев, едва ли не втоптаные в грязь. Мы сорвали ли-

сточки, растерли в пальцах — точно, руккола! Но зачем вдоль автодороги ее сажать, непонятно. Впрочем, дороги здесь повсюду — как и клумбы.

И поскольку мы всматривались не только в дерева и клумбы, но и во все зеленое под ногами, вскоре нас настигло открытие: это дикая руккола, и растет она тут повсеместно! На рынке действительно продается — зеленая-зеленая такая, 80 рублей пучочек. Но это что: прямо у нас возле дома, в закутке под деревьями — хоть коси этой рукколы — в двух десятках метров от того самого рынка-привоза! И везде, куда ни пойдешь — только приглядишься — эти темно-зеленые фигурные листочки тебя сопровождают!

Похвастались немногочисленным знакомым анапчанам — никто не верит. Да и кому она сдалась — заморская эта приправа! А на самом деле, как выяснилось, — *приморская*. Вскоре мы заметили, что вдоль всей дороги, где «цветы любви», и вообще по всем окраинам и пустырям все непролазные засохшие чащобы прошлогодних трав — это в основном руккола! И немудрено: у дикой рукколы, мы поняли, есть только два вредителя: жучки какие-то или мошки (их так и не видели), дырявящие летние листья, и те, кто окашивает лужайки. Дырявить листья можно сколько угодно: сто-о-олько рукколы вокруг, плюс делают они это все же очень скромно, с краешку, а вот непрерывное окашивание бензопилой возле домов порою оставляло нас без неперемного ежедневного компонента трапезы.

Даже к новогоднему столу мы обязательно насобираем немного свежей вкусной травки! Вкус у нее, правда, совсем другой, чем у привычной рукколы культурной: у той вкус неожиданно мясной, как у прилично зажаренного стейка,пряно-ореховый, а у этой — капустный, но все равно приятный, острый, притом что характерный запах тот же самый. Добавлять ее можно практически во все — как любую другую зелень, а по безденежью и вместо таковой. Но самое коронное блюдо — набить 50 процентов от другой зелени в зажаренную без масла пресную лепешку (это для тех, кто, как мы вскоре намастачились, на первый откус отличает *жингялов хац* от *кутаба с зеленью!*). Говорят, что для этих традиционных в кухне горцев блюд даже пастушья сумка идет в ход! Надо попробовать.

На окраинах руккола стоит стеной. Летом все это в пылице да и никому не интересно. Но столько рукколы, что можно было бы основать промышленное ее производство! Московские знакомые телеграфируют наперебой: «Шлите посылки!» Вот чем надо привлекать блондинок — а не шашлыком перегоревшим и псевдогреческим — ага, с картошкой-фри и кетчупом! — гирсом.

На каждом углу можжевельник всевозможных видов, можно даже синих ягодок набрать — отличная приправа или добавка в чай. На клумбах еще чуть ли не самое популярное растение — мята. Обычная мята перечная, но наша опять же не в пример вкуснее: здесь привкус сильно мягкий, как будто не мятный, а уже ментоловый, какой-то неестественный. Причем и на лугу полно этой мяты — пусть не такой зеленой и рослой, но на вкус и запах все равно такой же.

Да много всего насажено южного — самшитики декоративные или, к примеру, родственник агавы юкка, на постриженные ежики которой приезжие нередко говорят: «Смотри, ананас!» Но нас куда больше интересует то, что растет само — по оставшимся островкам природы, меж стройками и свалками, по канавам и углам, вдоль заборов и стен...

Подорожник — но не такой, как у нас. Тысячелистник — какой-то необычайно длинный, хоть по две палочки для И-цзинского гадания из каждой стебелюшки выделай, и в первый год мы ждали, когда он зацветет, — зацвел лишь через год! Цикорий — все лето тоже ждали, а он зацвел лишь к октябрю! То, что в тамбовских селах, да и в городищах тоже, так и душит, подавляет своей неумемной растительной

мощью, здесь, как это ни удивительно, и не встретить вовсе! Крапивы вокруг — ноль, чистотел или лопушок увидишь — какая редкость!

Гадючий лук, котловник кошачий, синяк обыкновенный — не только названия, но и сами ярко-синие и фиолетовые цветочки вас поразят и видом и обилием. Пока не начнут окашивать все до былинки и бетонировать.

Но главное, конечно, — наш пустырь под окном. С самой весны его вид и сама его близость к жилым домам воспринимаются нами как нечто необычное, как чудесный подарок природы, который человек, правда, грызет со всех сторон, как червяки созревшее яблоко.

В первый год такой невзрачной травки, как мышинный горошек, не было видно вообще, зато уж к началу лета второго года группки синеватых цветочков уже создавали непривычный горожанину вид из окна — как будто на вересковую долину! А за лето его плетень и все новые цветочки заполнили практически все пространство луга. Появились и другие виды, или похожие цепляющиеся растения, цветущие желтым, белым, розовым. Все лето и здешнюю невзрачную осень — будто картина перед глазами, написанная живыми красками, залитая ярчайшим солнцем или его долгими закатными отсветами, оранжево блистающими, если смотреть с самого луга или с берега моря, в окнах всех окрестных домов. Больше всего, конечно, поражает период маков — издалека видные алые островки посреди буйной зелени. Ярко-желтая окантовка — вездесущая и тут сурепка, в конкуренции со своим сородичем рукколой. Ближе к осени — донник. Точки фиолетового, синего, фиолетово-синего — луговой шалфей, такой же, как и у нас, или две расцветки синяка — очень яркие. Не из окна, вблизи уже — голубенькие точечки: какие-то появившиеся с самой весны цветочки — низкорослые, и маленькие такие на них звездочки, но истинно небесно-голубого цвета, что нечасто встретишь, как и такие же мелковатенькие ранневесенние красные.

Только ступишь на луг — сразу другой воздух: насыщенный запахами, естественный, приятный, успокаивающий, потрескивание насекомых... На каждой былинке — маленькие белые улиточки, а уж на прибрежных травах — вообще осыпные, своим недолгим хрупким бытием поддерживающие вековечный круговорот известняка. Обычно «в полях» и не так жарко: это асфальт и бетон нагреваются, но все равно крайне редко бывает, чтобы тут, как у нас в лугах и лощинках, вечером от земли шла прохлада. В знойные дни здесь и ночью — как ни странно! — ни ветерка, раскаленный стоячий воздух, часто еще подкрепляемый неделями горячей мусорной свалкой. Но все же «в полях» лучше, не так душающе.

«Эх, телка бы сюда запустить!..» — как прирожденный деревенщик, все вздыхая, проходя по полю. Иронизирую, конечно, но вообще и то правда: такие уголья пропадают, травища сочнее, дикий овес, к середине лета ковыль даже — почти что гоголевская степь, хотя бы «филиал», а вокруг, во всем городе, ни единого телка — крокодиловая ферма есть, а более привычную живность детишки, наверное, по картинкам изучают: все живут лишь сезонной сдачей жилья.

Осенью постепенно картина меняется — другие травы выбиваются, высоченные, к примеру, что-то вроде нашего львиного зева, но метровой высоты. Обычная аптечная ромашка, зверобой — редкость, но есть их двойники — ромашкообразные цветочки, по-осеннему желтые или светло-фиолетовые. Из низеньких — дикий лен, и не в синий тон, а тоже такой слабо-лиловатый. Постепенно все жухнет, но и всю зиму колышутся за окном высохшие травы...

Небольшая полоска у церкви, временно оставленная в покое, также мгновенно выросла гигантских размеров невиданными растениями. И тоже какой тут неурбанистский запах, как приятно это созерцать! Много ли где увидишь, тем более *в черте города*, к примеру, синеголовник — и наберешь для икебаны его колючих веток с оперенными синими шариками? А тут — в рост человека — красотища! Но для челове-

ка его собственный рост не в пример дорожке: травка должна быть по щиколотку, по протектор кроссовка или по самый нижайший краешек машинной шины — как будто не детина он и царь природы, а жучок какой-то, что может в них заблудиться! Для него это все называется «бесхозность», «баг» в программе «развития», и едва только трава повылезет, сразу начинается периодическая санобработка. И не косой, как раньше, а будто бензопилой в содружестве с тем же перфоратором! Свалка и помойка кругом, здесь же — вечно растащенный ветрищем мусор, неперенные выбросы питомцев, неизменно раскрошенная человеком всякая гадость — это ладно, это в порядке вещей, а самопроизвольно растущие травы — криминал, островок неподконтрольной, непокоренной природы, по недосмотру не подклонившейся пока под плевки, протезы-протекторы и собачьи экскременты.

То, что не на джипе мы ежеутренне выкатываем из подъезда, а пешком «в поля» уходим да еще постоянно там что-то выискиваем, приходим с охапками и букетами, так и не давало соседям покоя, началось даже злословие. Немногие сейчас занимаются собирательством, а «в полевых условиях» и подавно. За чабрецом нормальным пришлось в Джигинку ехать, там все же угожья гораздо лучше. Но и в городе: цветет акация, цветет липа — только ленивому не успеть набрать. Но тут, конечно, все сложней выгадать, «чтоб не совсем у дороги». Календула, допустим, всегда под носом — нужна она кому? — тоже думаешь «на зиму», а она и в декабре, и в январе все так же расцветает!.. А чуть весеннее пригреет солнце — мускари — не лук, конечно, и да не «гадючий», а симпатичный цветочек из первоцветов, поэтому его еще не успевают вырывать, но в городе сам по себе он высыпает редко, его как раз полно в предгорьях, как, например, по берегам популярного у туристов живописного озера Сукко. На этом заповедном озере, кстати, все в том же духе идет «благоустройство»: чтоб, притащившись за сотни верст, все ту же пиццу с гамбургерами комфортно было уписывать и здесь, чего ж еще...

Но из деревьев здесь, без сомнения, главное — грецкий орех. Куда ни пойдешь, разлапистые старые ореховые деревья или молодые деревца на каждом шагу — в буквальной смысле. Зацепишь на ходу листья, изомнешь в руке — шампунью пахнет, для косметических целей самое то. Но сами орехи созреют лишь в октябре, детишки и бабушки пытаются их собирать, но выросшие в городских условиях, валяющиеся в лужах скорлупки в основном «пустые» — с высохшими или сгнившими ядрами. Иное дело — варенье из зеленых орехов, как пишут, любимое лакомство товарища Сталина. Прочитав рецепт, не каждый возьмется его варить, но мы взялись...

Когда орешки еще зеленые, пахучие и мягкие, ходишь по городу с котомкой и рвешь их с веток, иногда даже подпрыгивая... В людных местах, например в роще, что и говорить, каждый незадачливый турист (или даже местный, живущий «на всем готовом») считает своим долгом окликнуть и оговорить: «Что же вы их рвете — они еще не созрели!» Вроде как охраняют, чтобы «осенью для детей было побольше спелых» (тогда как зеленых пруд пруди, висят они все лето, а иногда и по два раза в год завязываются!). Вообще полакомиться с кустов и деревьев мало чем придется: виноград и абрикос не рви, инжир можно встретить, но смоковки его крошечные, зеленые, даже листья не пышные — совсем не вызревает. На деревьях айвы, тоже вызревающей плоховато, разве что к зиме, часто бывает бумажки наклеены: «Не рвите, это не груша, она еще не поспела!» Полудикую алычу бесхозную еще пытаются прохожие атаковать, сбивая палками, но из нее варенье — если у вас очень крепкая зубная эмаль — сплошная кислотища.

Или вот наловчились долму вертеть — знакомых с приусадебным виноградом нет, выходишь на весьма своеобразный промысел — нужно «ничейными» листьями раздобыться. И чтобы не в гари и пылище они были, да помягче, да лучше белых сортов...

Однако, как говорится, как ни крути — все равно из листьев своих лучше получается, чем из покупных.

А из орехов варенье — если соблудности рецептуру (ну, и при этом ее упростить!) — доступная вещь, фактически бесплатная. Конечно, двести или триста орехов очистить ножом, а потом наколоть зубочисткой — не каждому под силу. (Все это в перчатках, но и сквозь них кончики пальцев недели на две окрасятся: сок этого ореха незакостеневшего — натуральный йод, практически как во флаконе!) Вымачивать, меняя воду, десять дней — это еще полбеды, а дальше чуть проварил — «оставить на сутки», и так три раза, а потом еще четвертый окончательный. Но самое отпугивающее и несуразное в большинстве рецептов — в растворе гашеной извести вымачивать! На практике мы быстро вывели, что известковую воду вполне можно заменить раствором лимонной кислоты, да и вообще не так уж и страшна эта горечь (можно не чистить полностью, только срезать участки с пораженных паршой плодов), просто варенье получится более терпким. Отлична и проста в изготовлении и спиртовая настойка на зеленых орехах — только долго ждать да потом не переборщить в ее использовании как ликера или коньяка.

Немало всего произрастает, не знаю, зачем взялся каталогизировать. Но все же хоть самые крошечные островки эти, осколки, мизерные капли первозданности — природные или устроенные в палисаднике далеким потомком Адама и Евы, хоть на секунду, хоть на волосок окрашивают, оживляют, скрашивают вытравленное бытие. Меня особенно радуют «зарницы» (мирабилис) — запах детства. Аня любит пионы, но их тут мало. Да и вообще, как вы заметили, сплошные парадоксы: какой-нибудь дурман — пожалуйста — и на участках, и дикий у моря, а обычные астры тут днем с огнем не сыщешь...

Забыл еще *актуальное* из растительного. Вблизи новостроек, когда счищен верхний слой почвы, первым делом заполняет все, как у нас «красная трава», крапива, или «американка», местный сорняк, как будто в насмешку именуемый амброзией. Да и повсюду он растет — эти неведомые листочки, по весне весьма смахивающие на морковные, я даже срывал и, растирая, нюхал, чуть ли не на вкус пробовал. Оказалось — сильнейший аллерген, о наличии коего подле детских площадок постоянно пишут на сетевых форумах.

Иногда из утреннего тумана и дыма от свалки выпрыгивает под ноги саранча. Почти как в видении Иоанна Богослова! Но пока что совсем не страшно: «кузнечики», конечно, немаленькие, и их немало — так и тянутся, скача вокруг и на тебя самого, до самого моря. И на набережной их полно, и в море — Аня даже сначала хотела их «спасать». Но это всего дня два, потом пропадают. А вот сколько бывает в летние дни, даже недели стрекоз — идешь тоже купаться и кругом, прямо в городе, так и носятся стаи!.. И не тощенькая сухонькая спичечка, одна-одинешенька или штук пять в жару кружатся, как в наших пенатах, а целые вертолеты — крупные, глазастые, синие, зеленые, и заполняют, расцветивая собой воздух, все вокруг — по-видимому, массовая миграция каких-то видов. Ане раз здоровенная стрекоза — синезеленая, блестящая, как будто изделие ювелира — присела сзади на косичку, как заколка, и так она с ней ходила по пляжу не меньше четверти часа!

Здесь будет город-сад?..

И все же побеседовать с людьми иногда удается, хотя бы с таксистами, водителями автобусов, шаурмистами да парикмахершами — иных профессий тут, по сути, и не сыскать, зато солнечная Анапа, в отличие от столицы, неожиданно предрасполагает

к подобным беседам. Приезжают отовсюду, даже поражаешься географии: из разных мест Сибири, из Прибалтики, Греции, из Голландии даже!.. Кошка под окошком, всему подъезду известная Мурлиза, и та эмигрантка, не говоря уже о нашем поколесившем по городам и весям Кошмане.

Переплетения стремлений и судеб непредсказуемые: как и в столицы, сюда стекаются ищущие новой жизни. Дерматолог открывает табачный ларек, или наоборот — офисная работница становится ландшафтным дизайнером. Однако не все здесь приживутся: в отличие от столиц, здесь ничего не делается для культуры. Главное и как будто даже модное занятие для молодежи — сидеть в фастфудовской забегаловке в торговом центре, причем даже без предварительного просмотра блокбастера.

Сибиряков нам попалось не в пример больше, чем выходцев из европейской части, но большинству из них тут не нравится: в Норильске или Красноярске их подавляло промышленное загрязнение, а здесь разочаровали климат, люди, превращение приморского оазиса в спальный район.

Хозяйка нашей квартиры двадцать лет прожила в Нижневартовске, а вообще родом она украинка, с самого что ни на есть хутора, близ какой-то совсем гоголевской Диканьки, название я не запомнил. Рано оставшись без мужа, все в жизни она делает сама, характер кипучий — как будто со страниц «Тараса Бульбы». У всех квартир, где жила, она насадила цветов и плодовых деревьев, и, конечно, не успели мы заселиться, принеслась и к нам. Под угрозой, что «сама одна почну», вытащила, что называется, без подготовки сажать цветы, черешни и вишни под окном у трансформатора.

«Прылепин, да шо вин туда поперся — на Украину-то?! — начинает она политический диспут. — Да еще ведь и писателей своих приволок целый отряд!..»

Телевизора у нас давно нет — как и холодильника, и прочего, да и вообще я, признаться, лет пять уже как совсем бросил смотреть оный да и вообще пристально следить за новостями: заголовки-то почитать и то весь оплывешь, такой абсурд происходит. Но тут мы с Аней сильно развеселились — только представь «отряд писателей»! Это таежника Михаила Тарковского можно представить с ружьем за плечом на самодельных лыжах в маскхалате... — а из нынешних «призывников» весь ихний Suicide Squat и ложку-то ко рту без приложения не поднесет, потом еще неделю офейсбучивать будет, ретвиттировать, телеграмить да инстаграмить! Оно, конечно, в реальности абсурда возможно что угодно, только город-сад никак не возможен, но дюже уж комично.

Забыл сказать, что хозяйке нашей Порфировне ровно 80 лет, хотя на вид — никак не дашь.

Да вот и я таков же: стою тут у ненавистного трансформатора: бородатый, хоть не в сланцах приплюснутых, как все прочие, и не в идиотских шортах с отворотами — в камуфляжных штанах, в шнурованных ботинках, рукава засучены, руки по локоть в глинистой грязище, в одной руке — саперная лопатка сломанная, в другой — один из пятнадцати саженцев «на благо города-курорта»!.. А рядом еще ведро с топинамбуром — что твоя картошка, тоже хозяйкино произведение...

Аня попыталась ей объяснить причину нашего веселья, и даже что «Леша и сам писатель», и что даже знаком с «Прылепиным», но информация просто не воспринималась, и мы упорствовать не стали, тем более что надо было еще дело делать — и притом стремглав. Китайская дрянная лопатка развалилась, я постоянно порываюсь ее выбросить и сгонять в магазин за новой — как и за перчатками! — но такой уж неуправляемый темперамент у малороссийской бабушки: давай и давай, не то я сама! Гольми руками танк опрокинет — генералиссимус бабуся!

А мимо люди трусят и прохаживаются — озабоченно и праздно. И каждый, оставившись, начинает перекрестный допрос: что это вы сажаете, зачем, почему, это

домуправление опомнилось озеленить, или вы от мэрии, все равно засохнет, надо ямку-то глубже копать и черенок ровней держать, не лучше ли тут каштан посадить, орех или тополь, и кто вам вообще разрешил, не будет ли детям мешать, машинам или собакам?! Я только успеваю почву разрывать, Аня камни строительного мусора выковыривать, а Порфировна, помимо работы, еще и терпеливо на все вопросы отвечать! И нам: «Да пусть их, я уж тут столько за пятнадцать лет всего попересажала!»

«Вот типичная модель горожанина, — думаем мы, — и как отличен от них человек сельский и старой закалки!» На собрании жильцов нашего дома инициативной группой было предложено помимо вишен высадить деревья — липы и каштаны, но подавляющее большинство собравшихся категорически выступило против: «Липы на машины будут капать!», «Каштаны на машины будут падать!» Теперь понятно, почему все более-менее новые дома так и стоят голым, в стиле новомодном «три-фри»: все-все в бетоне — даже детские площадки! — и припаркованных под окнами машинах.

Порфировна, кстати, была очень удивлена, узнав, что мы, люди вроде бы современные и молодежавые, тоже собираем всяческие травы и знаем их названия и свойства, хлеб сами печем и прочее. Еще больше она удивилась, встретив нас в церкви.

Мы, честно говоря, удивились тоже, ведь куда привычнее, если сразу порчу снять предложат или, что РПЦ водкой торгует, простодушно расскажут. Да и вообще народ, как и в других городах, пошел неадекватный, как будто в облике его последствия недавней войны запечатлелись, не столько физически, сколько нравственно искорежив. Война эта за цивилизацию так называемую, с ее красотами и удобствами, раз такова она, что попишешь, в представлении наших рьяных граждан: вокруг дома и так куда ни обернись — восемь штук этих гигантских Г-образных кранов, под ними чертоги мрачные, и днем и ночью скрежет, сверлеж, долбеж, сверкает сварка, пятиэтажки, только что возведенные, объявляются самостроем, с трудом и грохотом выкорчевываются — лишь для того, чтобы на их месте загремела стройка двадцатиэтажных монстров... Свет прожекторов прямо в окна, грохот, круглосуточный «день бульдозериста». «За три месяца подняли!» — хвастаются строители — из тех, кто может по-русски. Бутылки и объедки (остатки прокисшего плова, тубики от острого кетчупа) вываливаются иноземными работягами за десять метров за забором, в аккурат на дорожку к морю...

Макростройка и макропомойка отражаются в микромасштабе: квартирные сверлежные работы — святейшее из дел, от коего продыху не жди: и в самые страстные дни, и на Пасху, и 1 января с утра! Приходилось мельком внутрь чертогов заглядывать: коридоры в зеркалах в позлащенных рамах, лепнина, барные стойки, колонны какие-то куцые — нечто среднее между двухэтажным самоваром и десятиэтажным тортом в розанях! — даже не бидермейер уже и мещанство, а нечто гиперзапредельное. «Опа! Анапа» — на максимальной громкости и раз пятьдесят подряд. От берущей болят уши, как в аквапанге каком постоянно, от слоистых их втулок-елочек уже ушные каналы сделались ступенчатыми! Ругаться, умолять, взывать к диалогу и разуму, угрожать — бесполезно. Были тут соседи и с юридическими, даже полицейскими *подвязами*: «мне пофиг», «имею право», захлопнутая с нарочитым ударом железная дверь, и опять начинают гордыкать. Словно единственная устоявшая в социальных бурях идея-фикс, которая всех объединяет, — захват территории и любимыми средствами форсированная подготовка к предполагаемой «будущей жизни».

Пусть и *через четыре года* — будет ли здесь цвести город-сад? Сомневаюсь. Даже если иметь в виду не роскошный образ из речевки Маяковского, но за весь XX век оставшуюся почитай лишь на бумаге современную градостроительную концепцию. Церковь будет — и это поражает, — как и темпы и особенности ее возведения: величественная, длинная, как корабль, но вокруг этого чудесного корабля — не море, не

облака, не поле, не зеленый городок курортный, а серо-бетонные каменные глыбы. Вечное разбитое корыто и неизбывные нереализованные амбиции — пусть и «у самого синего моря». В пейзаже ни капли синего, его даже трудно представить, да и зеленого уже мало — нагнали шлака, то ли дорогу затеявая, то ли просто забетонировать полпустыря...

Христианство, марксизм, коммунизм, все виды гуманизма и все богатства культуры — все вкатать в асфальт, как будто слои геологических эпох, забетонировать, а сверху — не что иное, как уже газует колоссальный джип с маленьким в нем, как в каком-то луноходе, повелителем-индивидом, или тот же индивидик, как космодесантник, наизготовку с перфоратором. Настоящий монумент, «инсталляция» — идол идиллии цивилизации! Джип — воплощение «мечты о свободе» — можно быстро перемещаться, не теряя достоинства и веса, наоборот приобретая да еще молодок привлекая: полюбоваться на закат, осыпать колонизируемую планету «цветами любви». Все улицы, очень узкие, запружены машинами — в любое время суток в любом месте города-курорта только гарь глотать. И каждая пятая в потоке или пробке бибика — здоровый, подчас, без преувеличения, с маршрутку, джипище — привлеченные кредитом, их массово скупают едва ли не с детсадовских ползунков, так что на каждого анапского жителя приходится по машине. Рэпак имбецильный вжарить на всех децибелах на всю окрестную ивановскую, девушку из лужи окатить — скорее, уже не исключения, а правила, rules — то, что сидит в башке и рулит.

Перфоратор — орудие переустройства мира, не молоток уже, не серп, залог семейного поощрения главы семейства, вольному лендроверству противовес. А не сложилось с тачками и телками, с одной женой негодной — есть сублимация — ударная машина! Доступно это чудо-юдо техники каждому: «самый китайский» и по акции — всего-то пару тысяч! И чем более инструмент дешевый и хлипкий, тем дольше и непрофессиональнее долбеж и вжикание.

Ну, просверлил восемь дырок, ну, дюжину — сорок минут каких-то — это еще можно понять, я и сам это делал: повесил книжную полку, крючки и шкафчик в ванной, светильник — все. Но не каждый день с утра до ночи круглый год! В первую очередь надо бы запретить не то что строить с картонными стенами, но вообще сдавать дома в полудостроенном состоянии, когда покупатель квартиры вынужден потом два года мучиться с отделкой, мозг сверлить себе и людям.

А обитатели этого загаженного, оскверненного, искривленного зазеркалья — вот они, возьмем для краткости хоть пару самых ближних... Не раз встречалась нам возле дома женщина с трехногой собачкой — наконец сама обратилась к Ане: «У вас лицо доброе, возьмите котеночка!» («Взяли бы — уж постоянно к котьярам уличным примериваемся — да тут и своему...») Оказывается, собачка у нее живет с котенком в отдельной квартире здесь, и чтобы воспроизвести эту трогательную прогулку на пустырь, она чуть не каждый день мотается на автобусе из Новороссийска! Попытались обсудить рациональные выходы, но дальше, почуяв слушателя, с придыханием понесла: «У него рот такой специальный: он им и мышей ловит, и змей!..» (Змеи тут, конечно, водятся — на том же заросшем травой обрыве, — но чтобы домашний котик их ловил...) И очень подробная околесица про этих «змеек» — я даже сразу не поверил. К соседям снизу приехала бабка — по-видимому, из отставных и заслужившихся «педобразов». И ка-ак начала визгливо, с поставленной дикцией часами дрессировать их мальчугана: «Кр-расный. Пр-равильно!», «Три. Плюс. Два? Так. Правильно. Пять!» — причем мальчику уже лет десять! Замуштрованный мальчик, доселе тихий, быстро перенял ее манеры. Но самое интересное началось, когда ученика куда-то увезли: «Правильно. Молодец, Мурлиза, пять!», «Неправильно, Мурлиза, два!» — и это, кажется, уже оценки, а не «из арифметики»... Тут и свой кот уже, наверно, скоро вы-

учится или рехнется — везет же на таких персонажей. Нормальные, обычные вроде с виду тетушки, жалко их.

Что же до разменявшей девятый десяток нашей Порфиновны, то у нее напротив видок самый продвинутый: в пакете коробка роллов, взяла для внука, который на побывку из морского училища прибыл. Берет не абы где — даже не мы, давно отвыкшие, рекомендовали — пока изготавливают, часок на службе отстоит. При взгляде на нее картинки Японии отчего-то вспоминаются: там даже на месте Хиросимы сейчас некий город-сад, потому что в их темных головках какая-то память традиции и общности сохраняется, а на Украине ее милой, совсем тут рядом, — воплощенный ад.

После службы, перебиваемая трелями дрелей с церковной стройки (и здесь все же начали!), рассказала нам о своей «закалке», история тоже чуть ли не в духе «Вечеров» или «Миргорода» оказалась:

«В молодости я верующей не была, да и потом все трошки. А тут, как вышла на пенсию и переехала в Анапу, сусидка оказалась ведьма, чорнокнижница какая-то. Усе говорили, а я в тэ не верила, пока сама не захворала: покрылась черными пятнами, и ночью страх такой — кукушкой кто-то начав кукати. Пошла я к батюшке, пожаловалась, исповедовалась по совету, причастилась, набрала воды святой, все в хате окропила, иконку повесила... Ничто не помогло! Я к батюшке опять: мол, не дие ваша вода! А вин: что вода, иконки — верить надо. И стала я, як ни хворала поначалу, ходить в церковь, молиться, хоть что-то разумети. Чого и вам желаю».

Не к нравоучениям у нее порыв энергии жизнерадостной, а сами видели к чему. Пусть засуха, булыжник придорожный и затоптали в клумбах половину вишен, главное — делать.